

Была в сети недавно.

Часть 2. Не в сети



ИРМА ПИЗ

Ирма Лиз

**Была в сети недавно.
Часть 2. Не в сети**

«Автор»

2026

Лиз И.

Была в сети недавно. Часть 2. Не в сети / И. Лиз — «Автор»,
2026

В кафе «Чайка» официантка кладёт перед Ириной белую хризантему: «Вам просили передать. Вон тот мужчина». И от телефонов поднимают глаза трое: мальчик с ноутбуком, старик с подстаканником и сосед, который полгода ругался с ней из-за фикуса. Кто из них писал ей про звёзды и маяк на краю света, Ирина узнает в первой же главе. Но правду мало узнать – с ней ещё надо жить. Через стенку. Ирина удаляет анкету и уходит «не в сеть». А под дверь начинают приходить письма. Кот уходит по ночам к соседской собаке. Мама в семьдесят три влюбляется в машиниста электрички. Подруга выходит замуж в четвёртый раз. Впереди суд над пирамидой, поющий лифт и дорога на Кольский полуостров, к маяку, который двадцать шесть лет ждёт своего зрителя. Смешная и тёплая история о том, что любовь в сорок три приходит медленнее, чем в двадцать. Иногда – через стенку. Вторая часть романа «Была в сети недавно».

© Лиз И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вон тот мужчина	6
Трое	7
Протокол	8
Тамара	9
Хризантема	10
Машина	11
Дома	12
Ночь	13
Глава 2. Разбор полётов	14
Хронология	16
Артём	18
Звонок в Подольск	19
Лариса Викторовна	21
Реестр	22
Серая кнопка	23
Звонок	24
Глава 3. Последний смотритель	25
Тишина	27
Посетитель	28
Кабинет	29
Зачем	30
Пять минут	32
Лариса Викторовна	33
Морошка	34
Вечер	35
Глава 4. Конверт	37
Бережковская	39
Лариса Викторовна читает	40
Второе	41
Коробка	42
Тамара на льду	43
Соня	44
Ответ	45
Глава 5. Переписка по старинке	47
О чём писали	49
Сонины викинги	50
Лариса Викторовна и открытка	51
Корпоратив	52
Тридцатое	54
Глава 6. Оливье по талонам	56
Машинист	58
Оливье	59
Внук на связи	61
Без пятнадцати двенадцать	62
Письмо	63
Двенадцать	64

Утро	66
Глава 7. Клуб обманутых вкладчиц	68
Жанна Аркадьевна	70
Переговорная	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ирма Лиз

Была в сети недавно. Часть 2. Не в сети

Глава 1. Вон тот мужчина

Официантка показала на барную стойку.

Ирина повернула голову туда, куда смотрел её палец. Широкая спина в старой кожаной куртке. Седой затылок. У ног спал Туз.

Спина не шевельнулась.

– Вон тот, у бара, – повторила официантка и, кажется, засомневалась. – Он сказал: «Передайте женщине в синем». У вас же синее?

– Синее, – сказала Ирина.

И тут в углу, у батареи, закрипел стул. Старик в твидовом пиджаке поднимался. Медленно, опираясь на трость, держась за край стола свободной рукой. Подстаканник звякнул о блюдец. Старик выпрямился во весь рост, оказался высоким, почти как тот, у бара, одёрнул пиджак и сказал на всё кафе хорошо поставленным голосом, каким, наверное, когда-то докладывал по рации о видимости и состоянии моря:

– Глеб. Хватит сидеть спиной. Это невежливо.

У окна мальчик в очках закрыл ноутбук и уронил лицо в ладони.

Спина у бара вздрогнула. Потом мужчина медленно развернулся на высоком стуле. Лицом к залу. К Ирине.

Это был Глеб. Конечно, это был Глеб. Ирина знала это уже две секунды, с той минуты, как официантка подняла палец, а может быть, знала уже неделю, с ветклиники, а может быть, с той ночи на лоджии, когда за матовой перегородкой кто-то сказал низким недовольным голосом: «Девушки, можно потише? Тут собака спит». Знала и не верила. Как не веришь в цифру в отчёте, которая сходится слишком хорошо.

Глеб смотрел на неё. Лицо у него было такое, будто он стоял на краю крыши и ждал, что скажут снизу: прыгай или слезай.

В кафе стало тихо. Пара за соседним столиком перестала есть. Бармен перестал протирать стакан.

У стены Тамара сняла тёмные очки. Потом, подумав, сняла и рыжий парик. Держала его в руке, как дохлую лису.

– Ира, – сказала Тамара громким шёпотом, который слышали на Чистых прудах. – Ира, их трое. Это что, оптом?

Трое

Первым до её столика дошёл старик. Он шёл неторопливо, ставя трость точно перед собой, и никто в «Чайке» не посмел бы ему помешать. За ним, с ноутбуком под мышкой, плёлся мальчик в очках. Он смотрел в пол и был красный до ушей, как Ирина на совещании, когда её впервые называли «Ирина Андреевна».

Глеб остался у бара. Туз проснулся, сел и вздохнул.

Старик остановился у столика. Поставил трость. Слегка наклонил голову.

– Ирина Андреевна. Добрый вечер. Позвольте представиться. Ветров Сергей Иванович. Смотритель Святоносского маяка. Бывший. – Он помолчал. – Маяк на картинке – мой. Двадцать два года. Это, собственно, всё, что в этой истории принадлежит мне честно.

– Дед, – простонал мальчик.

– Помолчи, Артём. Ты своё уже сделал. – Старик не обернулся. – Это мой внук. Артём. Он, как вы, наверное, догадались, всё и затеял. Завёл мне анкету. Чтобы, как он выразился, дед не скис.

– Я не так выразился, – сказал Артём в пол.

– Именно так ты и выразился. – Сергей Иванович повернулся к бару. – А это, Ирина Андреевна, мой сын. Глеб. Который вам писал.

И снова повернулся к ней. Смотрел спокойно, светлыми выцветшими глазами, в которых было что-то от зимнего моря.

– Он вам писал, – повторил старик тише. – Почти всё. А я, я написал первое письмо. Про кота и про погрешность. И ещё кое-что, по мелочи. Про Кассиопею. И смайлик. Смайлик был мой, каюсь. Артём меня научил, и я не удержался.

Ирина сидела и смотрела на белую хризантему на столе. Хризантема лежала на клеёнке, и с лепестков капала вода.

Она подняла глаза на Глеба. Он всё так же сидел у бара, развёрнутый к ней, и не двигался. Руки лежали на коленях. Крупные руки. Шрам на костяшках. Без часов.

– Глеб, – сказал старик, не оборачиваясь. – Иди сюда. стыдно.

Глеб встал. Туз встал тоже. Они пошли через зал, мимо столиков, мимо пары, которая забыла про еду, мимо Тамары с париком в руке и Сони в капюшоне, которая снимала всё на телефон, Ирина видела. Глеб прихрамывал на левую ногу. Туз шёл рядом, переставляя короткие лапы, и уши волочились по полу.

Он остановился за спиной отца. Посмотрел на Ирину.

– Это я, – сказал Глеб. – Простите.

И больше ничего не сказал.

Протокол

Ирина много раз за этот месяц представляла себе эту минуту. В метро, в душе, на совещаниях, когда Пётр Семёнович рисовал свою букву W. Она представляла, что скажет. В разных вариантах. В одном варианте она говорила: «Здравствуйте, Сергей», с достоинством, как говорят в кино. В другом молча вставала и уходила. В третьем плакала. В четвёртом, который она представляла только по ночам и сама себя за это ругала, ничего не говорила, а он просто садился напротив, и они пили чай.

Ни в одном варианте их не было трое. И ни в одном варианте она не начинала с вопроса, который задала сейчас:

– Кто писал про старое письмо?

Старик и Глеб переглянулись.

– Я, – сказал Глеб.

– А про то, что маяк за всю жизнь не сделал ни одного шага?

– Я.

– А «я просто трус»?

Глеб помолчал.

– Я.

– А про Тузика, который нашёл бутерброд в парке и был счастлив так, как вы давно не были?

– Это я, – сказал Глеб. – Бутерброд был с колбасой. На Покровском бульваре.

– Тузик – это Туз?

– Тузик – это Туз. Отец его так называет. Мне не нравится. Ему тоже. Но он терпит.

Туз, услышав своё имя, сел и посмотрел на Ирину. Она вспомнила, как Туз понюхал гвоздику Валерия в лифте и печально чихнул. Тогда она была уже три дня знакома с Тузиком. И стояла с ним в одном лифте. И не знала.

– А в лифте, – сказала Ирина. – После Валерия. Вы спросили, не на похороны ли я ходила. А вечером написали, что смеялись так, что Тузик ушёл в другую комнату. Вы смеялись надо мной. Дважды. Один раз в лифте, второй раз дома.

– В лифте я не смеялся, – сказал Глеб. – В лифте я думал, что вы не напишете мне вечером. Что после такого свидания вы удалите анкету. И что я больше никогда... – Он остановился. – А вы написали. И я смеялся. Да. Дома.

Ирина почувствовала, что щёки у неё горят. Тамара у стены приподнялась, как будто собиралась броситься на помощь. Николай, которого Ирина не видела, но знала, что он сидит в машине у входа, наверное, уже взялся за ручку двери.

– Хлорофитум, – сказала Ирина. – В четверг. Я стояла у вашей двери и отправила вам сообщение. И слушала, пискнет ли.

– Не пискнуло, – сказал Глеб. – Планшет у отца. Я у отца ночую. Отцу нельзя одному ночью. У него сердце.

– Вы мне сказали, что по ночам спите.

– Соврал, – сказал Глеб. – По ночам я сижу у него в кресле и пишу вам. Иногда сплю. В кресле. Это почти правда.

– А «вы в субботу». Вы что хотели спросить?

Глеб посмотрел на неё долго. Потом на отца. Отец сделал вид, что изучает меню.

– Хотел спросить, придёте ли вы, – сказал Глеб. – Хотел сказать, чтобы не приходили. Что я трус и дурак, и что вы найдёте себе нормального. Не смог. Вы держали хлорофитум. С бантом.

Тамара

На этом месте не выдержала Тамара.

Она подошла к столику стремительно, на каблуках, с париком в одной руке и сумкой в другой, и встала рядом с Ириной, как телохранитель. Соня встала с другой стороны, в капюшоне, не опуская телефона.

– Так, – сказала Тамара. – Здравствуйте. Я Тамара. Я подруга. Я тридцать лет подруга. А вы, значит, все трое.

– Добрый вечер, – вежливо сказал Сергей Иванович.

– Добрый, – сказала Тамара. – Вы, Сергей Иванович, я вижу, человек приличный. Вы, молодой человек, – она посмотрела на Артёма, – наверное, тоже, хоть и программист. А вы, Глеб, – она развернулась к нему всем корпусом, – вы, Глеб, месяц водили мою подругу за нос. Через стенку. Вы ей писали про звёзды, а утром в лифте говорили про фикус. Вы знаете, кто вы?

Глеб молчал.

– Вы Арсен, – сказала Тамара. – Только без шубы.

– Тётя Тома, – сказала Соня. – Можно я?

Она опустила телефон. Посмотрела на Глеба снизу вверх. Глеб был выше её на две головы, но под этим взглядом, Ирина видела, он стал как-то ниже.

– Я Соня, – сказала Соня. – Дочь. Я месяц говорила маме, что вы кэтфиш. Что вы мошенник. Я вас по картинке искала. Я нашла вашего племянника, – она кивнула на Артёма, и Артём покраснел ещё сильнее, хотя это казалось невозможным. – Я нашла вашего папу. Я составляла протокол. Мы вас подозреваемым номер три записали.

– Я знаю, – сказал Глеб. – Мне Маркиз рассказал.

Соня открыла рот. Закрыла.

– Это шутка, – сказал Глеб. – Простите. Я не умею шутить вслух. Только письменно.

И тут Ирина засмеялась.

Она не хотела. Совсем не хотела. Это было неуместно, глупо и унижительно. Она сидела в «Чайке» на Чистых прудах, перед ней стояли три человека, которые месяц были одним человеком, у неё остыл чай, рядом стояла подруга с париком в руке, а она смеялась. Потому что это была правда. Он не умел шутить вслух. За полгода соседства он не пошутил ни разу. А в переписке шутил каждый вечер.

Смех вышел нервный, рваный и быстро кончился. Ирина вытерла глаза салфеткой.

Глеб смотрел на неё и, кажется, не дышал.

Хризантема

– Ирина Андреевна, – сказал Сергей Иванович мягко. – Мы, наверное, вас утомили. Вы, наверное, хотите о многом спросить. А может быть, не хотите ничего. Это будет справедливо. Я одно скажу, и мы уйдём.

Ирина кивнула.

– Он плохого не хотел, – сказал старик. – Он у меня такой. Он двадцать с лишним лет людей вытаскивал. Из завалов, из воды, из огня. Из чужих квартир. А сам из своей выйти не умеет. Он вас увидел, вашу фотографию, с котом и салатницей, и сказал: «Это соседка. Она меня ненавидит. Из-за фикуса». А я сказал: «Тогда напиши ей не ты». И написал первое письмо. Сам. Я виноват больше него. Я старый и знаю, что так нельзя. А он просто. Он потом уже не смог остановиться. Вы ему отвечали. Ему, Ирина Андреевна, восемь лет никто не отвечал. Только я. А я, вы понимаете, отец. Это не считается.

– Папа, – сказал Глеб.

– Всё, – сказал Сергей Иванович. – Я закончил.

Он взял трость. Кивнул Ирине. Повернулся к Артёму.

– Артём, мой подстаканник.

Артём сбегал за подстаканником.

– До свидания, Ирина Андреевна. Спасибо вам за переписку. Мне было очень интересно. Особенно про лебедя.

И пошёл к выходу. Прямой, медленный, с тростью. Артём шёл за ним, неся подстаканник, как святыню. У двери Артём обернулся, поймал взгляд Сони и, неловко, коротко кивнул ей. Соня вспыхнула и отвернулась. Ирина отметила это где-то на краю сознания, как отмечала на совещаниях, что маркетинг перешёптывается с коммерческим отделом.

Глеб остался стоять у столика.

– Я пойду, – сказал он. – Туза надо домой. Он устал.

– Идите, – сказала Ирина.

Глеб не пошёл. Постоял. Посмотрел на хризантему.

– Хризантема была... – сказал он. – Это отец сказал, что нужна хризантема. Белая. Он маме всегда белые дарил. Там, на маяке, других не было. Он их выращивал в теплице. Двадцать два года. Мама говорила, что это единственные цветы на сто километров вокруг.

Он помолчал.

– Я хотел подойти сам. Отдать. Сказать «здравствуйте, я Сергей». Сидел у бара двадцать минут. Не смог. Попросил официантку.

– Вы не Сергей, – сказала Ирина.

– Нет, – сказал Глеб. – Я Глеб Сергеевич. Сергей – это отчество. Я его просто, взял. Как фотографию маяка. Своего у меня ничего красивого не было.

Он поправил поводок на руке.

– До свидания, Ирина Андреевна.

– До свидания, Глеб.

Он ушёл. Туз шёл рядом, переставляя короткие лапы. У двери Туз обернулся. Посмотрел на Ирину долгим печальным взглядом. Потом колокольчик звякнул, и они исчезли.

Машина

Николай довёз их до Плющихи. Ехали молча. Даже Тамара. Тамара сидела рядом с Николаем, держала на коленях парик и смотрела в окно, и это молчание было страшнее любых её слов.

Соня сидела рядом с Ириной на заднем сиденье и держала её за руку. Как в детстве, по дороге в Подольск.

На Садовом Тамара не выдержала.

– Ира. Скажи что-нибудь.

– Что сказать?

– Не знаю. Что-нибудь. Ты злишься?

Ирина подумала.

– Не знаю, – сказала она. – Я не понимаю, что я чувствую. Как будто мне дали отчёт, в котором все цифры правильные, а итог не сходится.

– Это потому, что он мудака, – сказала Тамара.

– Тома.

– Ну а кто? Месяц! Через стенку! Ты ему про Олега писала, а он стоял за стенкой и слушал, как Олег в дверь звонит! Он тебе в лифте «доброе утро», а вечером «спокойной ночи, финансовый директор»! Ира, это, это шпионаж! Это кино про разведчиков!

– Он же спас её от папы, – тихо сказала Соня.

– Это другое! – сказала Тамара. Потом подумала. – Хотя нет. Это то же самое. Это ещё хуже. Он её спас как сосед, а утешал как маяк. Он двойной агент, Сонечка.

Николай за рулём кашлянул.

Все замолчали. Николай говорил так редко, что каждое его покашливание воспринималось как заявление для прессы.

– Тома, – сказал Николай. – Он месяц ей писал. Каждый вечер. Я тебе за месяц сказал слов сто. А ты со мной.

Тамара открыла рот. Закрыла. Посмотрела на Николая. Николай смотрел на дорогу.

– Это тоже другое, – сказала Тамара. Но уже без уверенности.

Дома

Дома Ирина долго не включала свет. Стояла в прихожей в пальто. Маркиз вышел из кухни, сел напротив и посмотрел.

– Ты знал, – сказала ему Ирина.

Маркиз не отрицал.

– Ты знал с самого начала. Ты к нему через стенку ходил. Ты у него в фикусе. Ты с его собакой на коврик лежал. Ты всё знал.

Маркиз зевнул. Широко, показав все зубы. Потом встал и пошёл на кухню, к миске. Обернулся у двери. Посмотрел с таким выражением, что Ирина услышала, будто сказанное вслух: «Ну и что? Ты бы всё равно не поверила».

Она сняла пальто. Сняла сапоги. Прошла на кухню в синем платье и Тамариных серьгах и села на своё место. Хризантему она, оказывается, принесла с собой. Держала её всю дорогу и не заметила. Она положила её на стол.

Потом взяла телефон. Открыла сайт. «ЛюбовьЕсть». Сердечко с вилок. Переписка с маяком.

Последнее сообщение, от него, в 16:11: «Мне не пятьдесят шесть».

Она пролистала вверх. До самого начала. До «Добрый вечер, Ирина. Я прочитал вашу анкету три раза». Это писал старик. Восемидесятитрёхлетний смотритель маяка в твидовом пиджаке. А дальше, начиная с «Соболезную „Мимозе“», писал Глеб. Сосед. Который ворчал про фикус. Который сказал «Ну, бывает» про её гвоздику. Который держал дверь, пока Олег не ушёл.

Ирина читала и пыталась разделить. Вот это старик. Вот это Глеб. Вот это, про Кассию-пею, старик. «Очень старое письмо, и оно дошло» – Глеб. Он сам сказал. Смайлик – старик.

Но не получалось. Голос был один. Тот самый, который она слышала месяц каждый вечер. Он не делился на двоих. Как не делится на части голос в песне, которую поют хором.

За стеной было тихо.

Ирина положила телефон. Встала. Подошла к стене. К обоям, которые выбирал Олег.

Стучите в стену. Я рядом.

Она стояла и смотрела на стену. За стеной, она знала, через тридцать сантиметров кирпича, была его кухня. Зеркальная копия её кухни. Табуретка. Белая чашка без скола. Туз на коврике в коридоре.

Или его там не было. Может, он опять уехал к отцу. Сидеть в кресле. Следить, чтобы ничего не упало.

Она не постучала.

Ночь

Туз выл.

Ирина проснулась в половине второго от этого звука. Долгий, басовитый, тоскливый вой за стеной. Так он выл, когда Глеб уходил из дома.

Значит, ушёл. Значит, к отцу. Отцу нельзя одному ночью.

Ирина лежала в темноте и слушала. Туз выл минут десять. Потом замолчал. Потом снова. Тише. Безнадёжнее.

Маркиз, лежавший в ногах, поднял голову. Послушал. Встал. Пошёл к двери на лоджию. Сел. Посмотрел на Ирину.

– Иди, – сказала Ирина. – Иди уж.

Она встала и приоткрыла ему дверь. Холодный воздух. Первый снег, выпавший в четверг, лежал на перилах лоджии нетронутый. Маркиз вышел, прошёл по снегу, оставляя круглые следы, к перегородке. Нагнулся, протиснулся в щель у пола. Рыжий хвост мелькнул и исчез.

Через минуту вой за стеной прекратился.

Ирина стояла в дверях лоджии в ночной рубашке, босиком, и смотрела на снег. На маленькие круглые следы, которые вели к перегородке и пропадали. У Глеба на лоджии было темно. Лампа не горела.

Она вернулась в комнату. Взяла телефон. Открыла сайт. Профиль маяка. Под ним серая строчка:

«Был в сети недавно».

Ирина смотрела на эту строчку. Недавно. Сколько раз за этот месяц она её проверяла. Сорок в день. Завела под неё колонку в реестре. Удалила колонку. Завела обратно.

Теперь она знала, где он. В квартире на Покровке, в кресле, рядом с отцом, у которого сердце. С планшетом на коленях. Или без планшета. Может, он больше никогда не откроет этот сайт. Может, Артём завтра удалит анкету, и строчка «был в сети недавно» превратится в «Пользователь удалил профиль».

А может, он сейчас сидит и смотрит на её строчку. На «Ирина, 43, Москва. В сети».

Ирина посмотрела на кнопку в углу экрана. Маленькую, серую. «Скрыть статус».

Нажала.

Под её фотографией, той самой, с упавшей салатницей и ямочкой на щеке, исчезло «в сети». Ничего не появилось вместо. Просто пустое место.

Она выключила телефон. Совсем. Зажала кнопку, пока экран не погас. Положила его в ящик тумбочки, под книгу. Под Налоговый кодекс, часть вторую.

За стеной было тихо. Туз спал. Рядом с ним, наверное, на коврик в коридоре, свернувшись рыжим клубком, спал Маркиз.

Ирина легла и долго смотрела в потолок. Потолок был белый и молчал.

Не в сети, подумала она. Вот и я теперь не в сети.

Странно, но от этого стало легче.

Глава 2. Разбор полётов



В воскресенье в девять утра в дверь позвонили так, будто начался пожар.

Ирина открыла. На пороге стояли Тамара и Соня. Тамара с пакетом круассанов из «Пушкина» и бутылкой шампанского. Соня с ноутбуком и лицом человека, который не спал всю ночь.

– Почему у тебя телефон выключен? – спросила Тамара с порога. – Я тебе с семи звоню. Я уже думала, ты с моста.

– С какого моста, Тома?

– С любого! С Бородинского! Ты же рядом живёшь!

– Я выключила телефон.

– Зачем?!

Ирина пожала плечами.

– Чтобы не быть в сети.

Тамара посмотрела на неё так, как смотрят на человека, который сказал, что больше не будет дышать, потому что воздух надоел. Потом прошла на кухню, поставила шампанское в холодильник, круассаны на стол и сказала:

– Ладно. Садись. Будем разбирать полёты.

– Тома, девять утра. Шампанское?

– Это не шампанское, – сказала Тамара. – Это лекарство. Мне Лидка из салона прописала. После мужика, который оказался не тем, кем казался, надо пить игристое. Пузырьки выводят разочарование.

– Он оказался тем, кем казался, – сказала Ирина. – Он просто казался двумя разными людьми.

Тамара замерла с бокалом в руке.

– Ира. Ты его защищаешь?

– Я констатирую.

– Это одно и то же, – сказала Тамара. – У финансовых директоров.

Хронология

Соня открыла ноутбук. На экране был файл. Таблица. Ирина узнала свой стиль и почувствовала что-то вроде материнской гордости.

– Мам, я ночью всё восстановила, – сказала Соня. – По датам. Что он писал, когда он был где. Смотри.

В таблице было три колонки. «Дата и время». «Сергей писал». «Глеб в это время». В третьей колонке Соня отметила всё, что Ирина когда-либо рассказывала про соседа.

– Вот, – Соня ткнула в строчку. – Двадцать девятое октября. Вечер. Ты пишешь Сергею про собрание совета дома. А Глеб на собрании был. Значит, он вернулся домой и сразу сел отвечать тебе про собрание, на котором сам сидел.

Ирина посмотрела на строчку. Вспомнила. «Сосед заступился за кота. Неожиданно». И ответ: «Это хорошо. Хорошо, когда сосед на твоей стороне». И потом: «Мы так говорим, когда нам что-то нравится, но мы ещё не готовы в этом признаться». И смайлик.

– Смайлик ставил дед, – сказала Ирина. – Он сам сказал.

– Значит, Глеб диктовал, а дед печатал, – сказала Соня. – Или Глеб написал, а дед добавил смайлик. Мам, они вдвоём сидели над этим сообщением. Отец и сын. Над сообщением про то, что «мы так говорим, когда нам что-то нравится». Мам, это так... – Соня замолчала. – Это так странно. И так мило. Я не знаю, что из этого больше.

Тамара налила себе второй бокал.

– Дальше, – сказала она.

– Дальше хуже, – сказала Соня. – Вторник, после папы. Ты пишешь Сергею, что сосед открыл дверь и стоял, пока папа не ушёл. А он тебе отвечает...

Она нашла. Прочитала вслух:

– «Я рад, что в ту минуту рядом с вами был кто-то, кто открыл дверь. Правда рад. Даже если это был не я».

На кухне стало тихо.

– Даже если это был не я, – повторила Ирина.

– Это он про себя, – сказала Соня. – Мам, он знал, что это был он. И написал «даже если это был не я».

– Это враньё, – сказала Тамара жёстко. – Вот это, Ира, уже не шутка. Это враньё в глаза. Он сидел и врал тебе в глаза. Через экран.

Ирина смотрела на эту строчку. Вспоминала вечер вторника. Как она прочитала, посмотрела на стену и написала: «А если бы это были вы, вы бы что сделали?» И как он ответил: «Открыл бы дверь. И стоял бы. И молчал». И как она тогда подумала: ровно это сделал Глеб. И сама себя уговорила, что это совпадение. Что он просто повторяет её слова.

Он не повторял её слова. Он описывал, что сделал сам. И ждал, что она поймёт.

А она не поняла. Потому что у Глеба кнопочный телефон. И по ночам он спит.

– Это не враньё, Тома, – сказала Ирина медленно. – Это, это подсказка. Он мне подсказывал. А я не слушала.

Тамара поставила бокал.

– Ира, – сказала она. – Ты сейчас как жена, которая говорит, что муж её не бьёт, а воспитывает.

– Тома!

– Что «Тома»? Я три раза замужем была! Я знаю, как это начинается! Сначала «он мне подсказывал», потом «он не хотел», потом «он хороший, просто у него детство трудное»!

– У него детство на маяке, – сказала Соня. – На Кольском полуострове. Я ночью гуглила. Там до ближайшего посёлка сто километров. Там ни детского сада, ни школы. Он в интернате в Мурманске учился. С семи лет. А летом к родителям, на маяк.

Тамара замолчала. Посмотрела на Соню.

– Это откуда?

– Артём рассказал.

Ирина и Тамара повернулись к Соне одновременно.

Артём

– Какой Артём? – спросила Ирина.

Соня покраснела. Медленно, от шеи вверх, как Олег в кафе «Бережок».

– Ну. Артём. Племянник. Внук. Который с ноутбуком.

– Когда он тебе рассказал?

– Вчера. После «Чайки». Мам, ну я же. Я же должна была разобраться. Профессионально. Я подошла к нему у выхода, когда вы с Глебом разговаривали. Ну, когда тётя Тома говорила про Арсена. И сказала: «Дай свой телефон. Мне нужно понять, что тут вообще происходит». И он дал.

– И вы переписывались, – сказала Тамара медленно.

– Немножко.

– До сколько?

Соня посмотрела в стол.

– До четырёх.

Тамара откинулась на спинку стула и посмотрела на Ирину.

– Ира. Это семейный подряд. Они нас обрабатывают всем кланом. Отец пишет первое письмо, сын переписывается, внук подкатывает к дочке. Следующий кто? Собака к Маркизу?

– Собака к Маркизу уже, – сказала Ирина. – Маркиз там ночевал.

Тамара всплеснула руками.

– Вот! Видишь! Они везде! Они как плесень в хлебнице!

– Тётя Тома, он нормальный, – сказала Соня. – Он не подкатывал. Он извинялся. Три часа извинялся. Он говорит, что это он всё придумал. Что дед после бабушки восемь лет сидел один и ни с кем не разговаривал, кроме телевизора. А Артём работает по ночам, ему некогда к деду ездить каждый день. Он завёл деду анкету, чтобы тот хоть с кем-то переписывался. Дед переписывался. С тремя женщинами. Про звёзды и про погоду на Кольском. Одна из них оказалась мошенницей и попросила денег на лечение собаки. Дед чуть не отправил. Артём еле успел.

– И что?

– И потом дед увидел маму. На сайте. Позвал Глеба, он как раз у деда ночевал. Говорит: «Смотри, какая женщина. С котом. Кот, по-моему, рыжий, судя по хвосту». А Глеб посмотрел и говорит: «Это не кот, это Маркиз. А это соседка». И ушёл курить на балкон.

– Он курит? – спросила Ирина.

– Бросил, – сказала Соня. – Девять лет назад. Артём говорит, он в тот вечер просто стоял на балконе. Без сигареты. Полчаса. А когда вернулся, дед уже написал первое письмо. Про хвост и про погрешность. И ждал ответа.

– А потом?

– А потом ты ответила, мам. Про салатницу с «Мимозой». И дед говорит Глебу: «Ну, давай теперь ты. Я про салатницы не умею». И отдал ему планшет.

Ирина сидела и молчала. За окном было серо и тихо, декабрь, воскресенье. Маркиза дома не было. Он не вернулся с ночи.

– Соня, – сказала она. – А ты знаешь, что он ответил на «как зовут убийцу»?

– «Маркиз», – сказала Соня. – Ты ответила «Маркиз». А он написал: «С таким именем ему положено бить фарфор». Мам, Артём говорит, Глеб в тот момент засмеялся. Вслух. Дед говорит, он не слышал, как Глеб смеётся, с маминих похорон.

Звонок в Подольск

Ирина включила телефон в одиннадцать. Не потому, что хотела. Потому что Тамара сказала: «Если ты не позвонишь матери, мать позвонит в МЧС. Она так уже делала, когда ты в двухтысячном на дискотеке до утра пропала».

Телефон включился и тут же затрясся. Сорок два пропущенных. Тамара – девятнадцать. Соня – восемь. Мама – одиннадцать. Лариса Викторовна – один. И одно сообщение с неизвестного номера, пришедшее в 23:48:

«Ирина Андреевна. Это Сергей Иванович. Номер ваш мне дал внук, он его нашёл каким-то способом, который я не одобряю. Я не буду вас беспокоить. Хочу только сказать: спасибо, что вы смеялись. Глеб всю дорогу домой молчал, а у подъезда сказал: „Она засмеялась, пап“. Больше ничего не сказал. Но сказал так, как не говорил давно. Спокойной ночи. Ветров».

Ирина прочитала. Положила телефон на стол экраном вниз. Потом подняла и прочитала ещё раз.

Потом позвонила маме.

– Ира! – Мама закричала так, что Тамара на другом конце стола вздрогнула. – Ты живая?!

– Живая, мам.

– Мне Соня всё рассказала! В час ночи! Я всю ночь не спала! Ира, это правда?! Сосед?!

– Правда, мам.

Пауза. Ирина приготовилась. Сейчас мама скажет, что все мужики врут. Что надо было сразу понять. Что в её время такого не было.

– Через стенку? – спросила мама.

– Через стенку.

– На одной площадке?

– На одной площадке, мам.

Мама помолчала. Потом сказала, задумчиво, с той интонацией, с какой обсуждала цены на рассадку:

– Так это ж удобно.

– Мам!

– А что «мам»? Ты подумай. Ходить никуда не надо. За колбасой вдвоём. Кот у него и так живёт. Если что, постучать в стенку. Ира, я два года к твоему отцу через весь Подольск на автобусе ездила, пока мы не поженились. Сорок минут в одну сторону. Зимой. А тут через стенку! Это же подарок судьбы!

– Мам, он мне врал.

– Все врут, – сказала мама. – Твой отец мне врал, что у него «Москвич» новый. А «Москвич» был его дяди, и ему тогда было двенадцать лет. Я потом всю жизнь в этом «Москвиче» ездила. И ничего. А этот твой что соврал?

– Что он не сосед.

– Ну, это ерунда, – сказала мама. – Это не страшно. Страшно, когда врут, что не женатые. А что не сосед – это так, мелочь. Он кто по профессии?

– Спасатель. Бывший.

Пауза.

– Спасатель, – повторила мама с уважением. – Это которые из пожаров?

– И из пожаров, мам.

– И из завалов?

– И из завалов.

– Ира, – сказала мама очень серьёзно. – Ира, послушай меня. Человек, который из пожаров людей носит, тебе с письмами соврал. Ну и пусть. Ты подумай, кто тебе ещё дверь откроет, если что. Олег бы открыл? Олег бы на объекте был.

И положила трубку. Не попрощавшись. Ирина знала, что это значит.

Лариса Викторовна

Ларисе Викторовне Ирина позвонила сама. Лариса Викторовна ответила после первого гудка, как будто держала телефон в руке.

– Ну, – сказала Лариса Викторовна.

– Сосед, – сказала Ирина.

Лариса Викторовна помолчала.

– Я так и думала.

– Откуда?

– Ты про него слишком часто рассказывала. Про фикус, про собаку, про то, что он на собрании сказал. Ира, ты мне за месяц про соседа рассказала больше, чем за пять лет про Олега. Я ещё тогда подумала: либо он маяк, либо ты дура. Оказалось, и то и другое.

– Лариса Викторовна!

– Что? Я правду говорю. Ты дура, что не видела. А он дурак, что не сказал. Два дурака на одной лестничной клетке. Это, между прочим, неплохая основа для брака. Мы с моим прапорщиком тоже были два дурака. Только на разных этажах.

Ирина засмеялась. Тамара подняла бровь.

– И что мне делать? – спросила Ирина.

– Ничего, – сказала Лариса Викторовна. – Ничего не делай. Подожди. Если он мужик, он сам что-нибудь сделает. Если не сделает, значит, не мужик, и плакать не о чем. Ира, ты двадцать лет за Олега всё делала. Теперь пусть кто-нибудь за тебя сделает.

Реестр

Тамара и Соня ушли в три. Тамара на прощание обняла Ирину так крепко, что хрустнули рёбра, и сказала:

– Если он к тебе подойдёт, звони мне. Я приеду с Николаем. Николай ничего не скажет, но посмотрит. Николай так смотрит, что Арсен бы сам уехал в Пятигорск.

Соня обняла её у лифта и шепнула:

– Мам. Я Артёму сказала, чтобы он передал Глебу: если он тебя обидит ещё раз, я его найду. По одной фотографии пломбы. Я это умею.

– Сонь, ты с Артёмом...

– Мам, нет, – сказала Соня слишком быстро. – Это по делу. Чисто по делу. Мы координируем.

И уехала. Лифт на седьмом этаже запел.

Ирина вернулась в квартиру. Было тихо. Маркиза всё ещё не было. Его миска стояла полная.

Она открыла ноутбук. «Реестр претендентов». Сто сорок строк. Геннадий, нетерпелив, двадцать шесть минут. Николай, шука, двойка по грамотности, теперь у Тамары. Валерий, тонометр, сто тридцать на восемьдесят пять, это он обрадовался. Эдуард, пирамида, вернул под давлением. Виктор, вдовец, белки по субботам. Олег, бывший, списан, без претензий.

И строка «Сергей, 56». Маяк. Рука. Грамотность пять. Категория: «цццццжжж».

Ирина смотрела на эту строку минут десять.

Потом подвела курсор к графе «Имя». Стёрла «Сергей». Напечатала: «Глеб». Подвела к графе «Возраст». Стёрла «56». Поставила знак вопроса. Она не знала, сколько ему. Лет пятьдесят. Седой. Хромает на левую.

Подвела к графе «Фото». Там было «маяк», потом исправленное на «рука». Она стёрла и написала: «живьём, через стенку».

Графу «Категория» трогать не стала. «цццццжжж». Маркиз и тогда понимал больше, чем она.

В графе «Примечание» уже было: «Соня: кэтфиш. Тома: смешной. Мама: по-русски пишет. Я: не знаю». И потом: «Смайлик. Первый. Вторник».

Ирина дописала: «Смайлик – дед. Остальное – он. Голос один».

Подумала. Дописала ещё: «Я: всё ещё не знаю».

Серая кнопка

Потом она открыла сайт. «ЛюбовьЕсть». Сердечко с вилкой подпрыгнуло. «У вас 217 новых сообщений». За два дня. Кто-то писал «привет красавица». Кто-то спрашивал, любит ли она рыбалку. Кто-то, судя по превью, присылал фотографию на фоне ковра.

Она не стала открывать.

Зашла в «Настройки». Пролистала вниз. Мелкая серая кнопка. «Удалить профиль». Мелкая и серая, как всё, что сайт не хотел, чтобы ты нажимал.

Месяц назад, в октябре, она уже стояла перед этой кнопкой. С чаем с чабрецом. Занесла палец. И тут телефон пискнул, и пришло сообщение про рыжий хвост. Если бы не пришло, подумала Ирина, она бы удалила тогда. И ничего бы не было. Ни Кассиопеи между антенной и трубой. Ни лебедя. Ни мамы с анкетой и Геннадием, отправленным к рыбе. Ни Оксаны с мандаринами. Ни «Чайки».

И Глеба бы не было. То есть Глеб был бы. За стенкой. С фикусом и Тузом. И она бы так и не узнала, что он умеет шутить. Письменно.

Она нажала на кнопку.

Сайт спросил: «Вы уверены? Все ваши переписки будут удалены безвозвратно».

Палец замер.

Все переписки. Безвозвратно. «Соболезную „Мимозе“». «Очень старое письмо, и оно дошло». «Маяк не должен ходить». «Я просто трус». Всё.

Ирина посидела. Потом открыла переписку с маяком. Нажала «Экспорт». Сайт подумал и выдал файл. Сто сорок семь страниц. Она сохранила его на ноутбук, в папку «Документы», рядом с годовой отчётностью и копией свидетельства о разводе. Назвала файл «Маяк». Подумала и переименовала: «Маяк и сосед».

Потом вернулась к кнопке.

«Вы уверены?»

«Да».

Экран мигнул. Сердечко с вилкой грустно сжалось и пропало. Вместо него появилась надпись: «Ваш профиль удалён. Нам жаль, что вы уходите. Если вы встретили свою любовь на нашем сайте, расскажите об этом! Ваша история может вдохновить других».

Ирина посмотрела на эту надпись. Подумала, как бы выглядела её история. «Я встретила свою любовь на вашем сайте. Он живёт за стенкой. Мы полгода ругались из-за фикуса. Он писал мне под чужим именем с планшета своего отца. Его собаку зовут Тузик, но ему это не нравится».

Она закрыла вкладку.

Звонок

В семь вечера в дверь позвонили. Один раз. Коротко.

Ирина вздрогнула. Тамара сказала бы: «Не открывай». Лариса Викторовна сказала бы: «Подожди». Мама сказала бы: «Открывай, дура, это же через стенку».

Она подошла к двери. Посмотрела в глазок.

На площадке стоял Глеб. В домашних штанах, в футболке, без куртки, босиком в старых кроссовках, задники которых он смял. В руках у него был Маркиз. Маркиз висел, как висел тогда, после фикуса, не сопротивляясь, с видом аристократа, которого несут в паланкине.

Глеб не звонил второй раз. Он постоял. Посмотрел на дверь. Ирина видела его лицо в глазок, искажённое линзой, широкое, с большим носом. Он смотрел прямо в глазок. Как будто знал, что она там.

Потом наклонился и поставил Маркиза на коврик у её двери. Аккуратно, как ставят вазу. Выпрямился. Ещё секунду постоял.

И ушёл. Ирина слышала, как щёлкнул замок его двери.

Маркиз сидел на коврике и смотрел на её дверь. Потом поднял лапу и поскрёб.

Ирина открыла.

Маркиз вошёл. Не спеша. Прошёл мимо неё в прихожую, понюхал сапоги, понюхал сумку, пошёл на кухню к миске. От него пахло чужим домом. Собакой, лекарствами и старыми книгами.

Ирина посмотрела на площадку. На коврик. На коврике ничего не было. Ни записки, ни цветка. Только рыжий волосок на тёмном ворсе.

Она закрыла дверь.

Потом постояла. Потом прижалась ухом к стене в прихожей, как в детстве в Подольске прижималась к стене, чтобы услышать, о чём говорят родители на кухне.

За стеной было тихо. Потом тихо заиграло радио. Что-то старое. Мужской голос. Ирина не разобрала слов.

Туз не подвывал. Значит, хозяин был дома.

Ирина отошла от стены. Посмотрела на свою руку. Рука была сжата в кулак. Как будто собиралась постучать.

Она разжала её и пошла кормить кота.

Глава 3. Последний зритель



В понедельник вышел декабрьский номер.

Ирина узнала об этом в лифте. Не в своём, в редакционном, на Бережковской. Вместе с ней ехала девушка из отдела рекламы, Алина, с которой Ирина за три года сказала друг другу слов двадцать, и все про счета-фактуры. Алина держала свежий номер «Мадам», открытый на развороте. Посмотрела на разворот. Посмотрела на Ирину. Снова на разворот.

– Ирина Андреевна, – сказала Алина. – Это же вы.

– Это иллюстрация, – сказала Ирина.

– Это вы с лебедем.

– Лица не видно.

– Видно, – сказала Алина. – Профиль видно. И блузку. Вы в ней на корпоратив приходили.

Двери открылись на четвёртом. Ирина вышла. Алина вышла за ней и пошла следом по коридору, держа журнал перед собой, как икону на крестном ходе.

В приёмной Вика повесила разворот на стену. Прямо над кулером. Скотчем, по четырём углам. Под разворотом кто-то написал маркером на листе А4: «Наша Ирина Андреевна держит удар». И нарисовал сердечко. Кривое.

– Кто это сделал? – спросила Ирина.

– Все, – сказала Вика. – Мы голосовали.

В бухгалтерии Наденька подняла глаза от монитора и сказала:

– Ирина Андреевна, мне мама звонила из Саранска. Она «Мадам» выписывает. Спрашивает, правда ли, что у нас финансовый директор лебедей руками ловит. Я сказала, правда. Она сказала, что теперь будет выписывать на два года вперёд.

Лариса Викторовна молча положила на Иринин стол три экземпляра. Сверху приклеила стикер: «Матери. Тамаре. Себе. Пятый – мне, не трогай».

Пятый лежал у неё на столе, в файлике. Ирина заметила.

В одиннадцать позвонила мама.

– Ира. Я купила десять.

– Чего десять, мам?

– Журналов. С тобой. В киоске у станции. Там только десять было. Продавщица спросила, зачем мне столько. Я сказала: «Там моя дочь с лебедем». Она взяла один себе. Говорит, не знала, что у нас в Подольске такие люди. Я говорю: она не в Подольске, она в Москве. А продавщица говорит: всё равно наша.

– Мам, лица же не видно.

– Ира, – сказала мама с достоинством. – Я тебя рожала. Я тебя по уху узнаю.

Тишина

Во вторник Ирина вышла из квартиры в шесть пятьдесят. На сорок минут раньше обычного. Чтобы точно не встретить соседа.

Площадка была пустая. Дверь Глеба закрыта. За дверью тишина. Ни радио, ни когтей Туза по паркету.

Ирина нажала кнопку лифта. Лифт приехал пустой. Она вошла. На седьмом он запел. Она стояла в пустом поющем лифте, одна, в шесть пятьдесят три утра, и почему-то чувствовала себя так, будто её обманули. Как будто пришла на встречу, на которую не хотела идти, а встреча не состоялась.

В среду она вышла в восемь двадцать. На двадцать минут позже обычного. Чтобы точно не встретить.

Площадка была пустая. Лифт пустой. Внизу у почтовых ящиков стояла Зинаида Фёдоровна в берете и смотрела на Ирину поверх своих очков, как Лариса Викторовна, только с подозрением другого рода.

– А сосед-то ваш, – сказала Зинаида Фёдоровна без предисловий, – третий день к отцу ездит. Каждый вечер в шесть уходит и утром в восемь возвращается. Собака воет. Я записала.

Она приподняла тетрадку в клеточку.

– Отец у него болеет, – сказала Ирина.

– Знаю, – сказала Зинаида Фёдоровна. – Он мне в лифте сказал. Сердце. Восемьдесят три года. Я ему корвалол посоветовала. А он говорит: у отца всё есть, у отца внук программист, он ему всё по интернету заказывает. – Она убрала тетрадку в портфель. – А вы с ним поссорились, что ли?

Ирина опешила.

– Почему?

– А потому, – сказала Зинаида Фёдоровна, – что вы третий день в разное время выходите. В шесть пятьдесят и в восемь двадцать. А раньше всегда в семь тридцать. И он раньше в семь тридцать с собакой выходил. А теперь в семь сорок пять. Ждёт, пока вы уедете. Я в окно вижу.

И ушла, стуча палкой по плитке. Ирина стояла у почтовых ящиков. У тех самых, у которых она месяц назад вела собрание.

В семь сорок пять. Он ждёт, пока она уедет.

Значит, он тоже не хочет встречаться. Значит, они оба три дня ходят по одной лестнице в разное время, как в старом анекдоте про двух людей, которые так старались не встретиться, что встретились.

Ирина вышла на улицу. Снег за ночь подтаял, превратился в серую кашу. Машина стояла под окнами, вся в мокрых хлопьях. Ирина смахнула снег с лобового стекла и, не удержавшись, подняла голову.

На восьмом этаже, у Глеба на лоджии, за матовой перегородкой стоял силуэт. Высокий. Неподвижный.

Смотрел вниз. На неё.

Она быстро села в машину и уехала. На светофоре у Садового посмотрела в зеркало. Её собственное лицо было красное, как у восьмиклассницы, которую застукали у окна мальчика.

Посетитель

В среду в три часа дня Вика позвонила по внутреннему.

– Ирина Андреевна. К вам посетитель.

– Я никого не жду.

– Он говорит, что без записи. Он говорит, что подождёт, сколько нужно. Он... – Вика понизила голос. – Ирина Андреевна, он с тростью. И с орденской планкой. И у него подстаканник.

Ирина положила трубку. Посидела. Потом встала, одёрнула пиджак и вышла в приёмную.

В приёмной, на кожаном диване под разворотом с лебедем, сидел Сергей Иванович Ветров. В том же твидовом пиджаке, прямой, с тростью, прислонённой к колену. Рядом стоял Артём. В пуховике, в шапке с помпоном, с лицом человека, которого привели к директору школы. В руках Артём держал холщовую сумку.

Сергей Иванович увидел Ирину и встал. Медленно, опираясь на трость.

– Ирина Андреевна. Простите за вторжение.

– Сергей Иванович. Вам не надо вставать.

– Надо, – сказал старик. – Когда входит женщина, надо вставать. Меня так учили. Меня, правда, учили давно, и с тех пор колени изменились. Но правила нет.

Вика смотрела на него с открытым ртом. Из бухгалтерии выглянула Наденька. За ней Олеся Игоревна. Из-за кулера высунулся стажёр Дима.

– Пройдёмте ко мне, – сказала Ирина.

– С удовольствием, – сказал Сергей Иванович. Потом посмотрел на разворот на стене. На лебедя. На надпись «Наша Ирина Андреевна держит удар». Посмотрел долго. – Хорошая фотография. Глеб мне вчера показывал. Он купил номер. Два. Один себе. Один мне.

Ирина почувствовала, как у неё горят уши.

– Артём, – сказал Сергей Иванович, не оборачиваясь. – Ты подожди здесь. Мы с Ириной Андреевной поговорим.

– Дед, а если тебе плохо станет...

– Мне не станет плохо. Я с финансовым директором. Если станет плохо, она посчитает, сколько мне осталось, и скажет точно. – Он повернулся к Вике. – Девушка, моему внуку чаю, пожалуйста. Он стесняется попросить. Он программист.

Кабинет

В кабинете Сергей Иванович сел в кресло напротив Иринино стола. Огляделся. Посмотрел в окно, на Москву-реку. Посмотрел на полку с папками. На фотографию Сони в рамке, которую Ирина держала на столе, Соне там было пять лет, и она держала котёнка Маркиза, рыжего, тощего, с огромными ушами.

– Это он? – спросил Сергей Иванович, кивнув на котёнка.

– Он.

– Глеб говорит, он у него каждую ночь. Лежит с Тузом на коврик. Тузик раньше был, когда Глеб уходил, а теперь не воеет, если ваш кот рядом. Зинаида Фёдоровна, это ваша соседка с девятого, говорит, что вой прекратился. Записала в тетрадку.

– Вы знаете Зинаиду Фёдоровну?

– Лично нет. Но Глеб мне про неё рассказывал. Про тетрадку. Про собрание. Про то, как вы ей не нашлись, что ответить, а он нашёлся. Он, знаете, был очень доволен. Он редко бывает доволен собой. А в тот вечер пришёл ко мне и сказал: «Пап, я сегодня за неё заступился». Как мальчишка. Как будто ему четырнадцать и он подрался за девочку во дворе.

Он помолчал.

– Двор у него, правда, был такой: маяк, скалы, море и восемь человек на всю округу. Драться было не с кем. Только с чайками.

Вика принесла чай. Сергей Иванович посмотрел на чашку. Обычную, белую, редакционную. Потом достал из внутреннего кармана пиджака подстаканник. Серебряный, потемневший, с выгравированным маяком. Аккуратно переставил чашку в подстаканник. Чашка не влезла. Он подумал и поставил подстаканник рядом, на стол.

– Без него не могу, – объяснил он. – Почти пятьдесят лет. Анна подарила. Когда меня назначили. В семьдесят восьмом. Сказала: «Чтобы ты там, Серёжа, не одичал. Чтобы хоть чай пил как человек».

Ирина смотрела на подстаканник. На маленький маяк, выгравированный на серебре. Скала, башня, полоса. Тот самый, с аватарки.

– Сергей Иванович, – сказала она. – Зачем вы пришли?

Зачем

Старик отпил чай. Поставил чашку. Сложил руки на трости.

– Я пришёл объяснить, – сказал он. – За сына. Он не придёт. Он считает, что не имеет права. Он мне так и сказал: «Пап, я не имею права. Ни через стенку, ни через планшет. Я всё испортил». И сидит. Третий день сидит у меня в кресле и молчит. Даже книжку не читает. А он всегда читает. С семи лет. На маяке у нас было четыреста книг, он их все прочитал к четырнадцати. Некоторые по два раза.

– Он сам виноват.

– Сам, – согласился Сергей Иванович. – Конечно, сам. И я виноват. И Артём. Мы все трое виноваты, Ирина Андреевна, и я не прошу нас прощать. Я прошу вас послушать. Пять минут. Потом я уйду, и вы нас больше не увидите. Ну, Глеба увидите, конечно. В лифте. Тут уж ничего не поделаешь.

Ирина посмотрела на часы. Было три двадцать. В четыре у неё стоял созвон с аудиторами.

– Пять минут, – сказала она.

Сергей Иванович кивнул. Помолчал, собираясь. Ирина видела, как он подбирает слова, и подумала, что так, наверное, он когда-то составлял радиогамму на Большую землю. Коротко, точно, без лишнего. Каждое слово на счету, потому что связь плохая и может оборваться.

– Глеб родился в семьдесят пятом, – сказал он. – В Мурманске. Через три года меня назначили на Святой Нос. Мы уехали втроём. Я, Анна, Глеб. Марину, это старшая, мать Артёма, ей тогда восемь было, оставили в Мурманске у Анниной мамы. Ей надо было в школу. Она к нам на каникулы прилетала. Каждое лето плакала, когда улетала обратно. Это было самое тяжёлое во всей нашей маячной жизни. Тяжелее, чем шторм восемьдесят седьмого.

Он отпил чаю.

– Школы там нет. Глеб с семи лет жил в интернате в Мурманске. Девять месяцев в году. А летом к нам. На вертолёт, если везло. На катере, если не везло. Однажды не повезло так, что катер шёл четверо суток вместо одних, и Глеб, ему тогда было десять, всю дорогу простоял на палубе. Не уходил в каюту. Я его потом спросил: почему? А он говорит: «Я хотел первым увидеть маяк». И увидел. Первым. Раньше капитана.

Ирина слушала. Перед ней на столе лежала распечатка бюджета на первый квартал. Она не смотрела на неё.

– Он вырос молчуном, – продолжал Сергей Иванович. – Там все молчуны. Я молчун. Анна была единственная, кто разговаривал. За нас всех. Она говорила, что мы с Глебом как два маяка: светим, а сказать ничего не можем. Только мигаем. Каждый своим кодом.

– Как это – мигаем?

– У каждого маяка свой характер огня, – сказал Сергей Иванович. – Свой код. Чтобы корабль ночью знал, какой перед ним маяк, и не перепутал. Святоносский, например: два длинных проблеска, один короткий. Период пятнадцать секунд. Я двадцать два года смотрел на этот код каждую ночь. Глеб с ним вырос. Он и сейчас, когда волнуется, стучит пальцами по столу: два длинных, один короткий. Сам не замечает.

Ирина вспомнила. На собрании совета дома, у почтовых ящиков, Глеб стоял, скрестив руки, и пальцы правой руки постукивали по локтю. Она тогда подумала, что он нервничает из-за Зинаиды Фёдоровны. Ритма она не запомнила.

Он поставил чашку на стол.

– В восемнадцать он ушёл в армию. Потом в спасатели. Двадцать три года в Центроспасе. Землетрясения, наводнения, пожары. Горы. Он, знаете, по всему миру людей доставал. Из Турции, из Индонезии, из Армении. В Нефтегорске был, в девяносто пятом, ему двадцать

лет было, совсем мальчишка. После Нефтегорска две недели не разговаривал. Совсем. Анна думала, онемел. А он просто не мог.

Ирина молчала.

– Женился поздно, – сказал старик. – В тридцать восемь. На Алле. Хорошая женщина, неглупая. Но она хотела, чтобы он был дома. А он не мог быть дома. Ему звонили в три ночи, и он уезжал. На неделю, на две. В Турцию, в Крымск, в Кемерово. Однажды уехал с её дня рождения. Прямо из-за стола. Пять лет она так прожила. Потом ушла. Сказала, что живёт не с мужем, а с телефоном. С кнопочным. Он ведь потому кнопочный и носит, Ирина Андреевна. Не из вредности. В горах смартфон садится за полдня, а кнопочный неделю живёт. Привычка.

– А фикус?

– Фикус Алла подарила на прощание. С запиской. «Чтобы хоть что-то в этом доме было живое». Он его восемь лет поливал. Ненавидел и поливал. Это у нас семейное.

Он помолчал.

– В девятнадцатом году его накрыло лавиной на Домбае. Он вытаскивал группу туристов. Вытащил всех. А сам пролежал под снегом сорок минут. Колено собрали по кускам. Левое. Ходить он стал, а работать по выслуге уже нельзя. Ему было сорок четыре. Его отправили на пенсию. Человека, который двадцать три года просыпался от звонка в три ночи, отправили на пенсию. Вы представляете, что это такое?

Ирина представляла. Она подумала, что было бы, если бы ей в сорок четыре сказали: всё, больше никаких отчётов, никаких бюджетов, никаких проверок. Сиди дома.

– Он купил квартиру на Плющихе, – сказал Сергей Иванович. – Рядом с вами. Полгода назад. Чтобы ближе ко мне. Взял Тузика, который жил у Аллы, Алла отдала, сказала, собака по нему тоскует. И стал жить. Книжки, собака, фикус. И я. По ночам у меня. С тех пор, как у меня сердце в сентябре.

Он посмотрел на Ирину.

– А потом соседка с котом засмеялась на лоджии. Громко. Вместе с подругой. И он вышел и сказал: «Девушки, можно потише, тут собака спит». А собака, Ирина Андреевна, не спала. Собака сидела у двери на лоджию и слушала. Ей нравилось, как вы смеётесь. Глеб мне потом сказал: «Пап, она так смеётся, будто ей двадцать». И я понял, что всё. Что пропал мой сын.

Пять минут

Пять минут давно прошли. Было без двадцати четыре. Ирина не смотрела на часы.

– Почему он мне не сказал? – спросила она. – Хоть раз. Он же видел меня каждый день. В лифте. На собрании. Он же мог просто, сказать.

– Что сказать? – Сергей Иванович чуть развёл руками. – «Здравствуйте, я сосед, которого вы считаете хамом из-за фикуса, и это я вам пишу про звёзды»? Ирина Андреевна. Вы бы поверили?

Ирина подумала.

– Нет, – сказала она честно.

– Вот и он так подумал. Он думал, что если скажет, вы перестанете отвечать. И сосед будет хамом, и маяк погаснет. А так хоть маяк. Хоть что-то. – Старик покачал головой. – Он трус, Ирина Андреевна. Вы правы. Человек, который залезал в горящие дома, который лежал сорок минут под лавиной, трус. Только трус он в одном месте. Вот тут. – Он показал на грудь. – Там, где у людей вот это всё. Он мне сам так написал, кстати. Вам. «Я просто трус». Я читал. Он мне показывал. Он мне всё показывал, Ирина Андреевна. Каждое письмо. До и после.

– Вы читали всю переписку?

– Почти всю, – сказал Сергей Иванович без смущения. – Он садился рядом со мной в кресло и писал. А я лежал и смотрел. Иногда он спрашивал: «Пап, как лучше, так или так?» Я говорил. Иногда он меня слушался. Чаще нет. Про Кассиопею он меня послушался. Сказал: «Ты лучше знаешь, где она». Я и написал. И про очень старое письмо он хотел убрать. Сказал: «Слишком красиво, она подумает, что это не я». А я сказал: «Оставь. Это как раз ты». И он оставил.

Ирина отвернулась к окну. По Москве-реке шёл тот же прогулочный теплоход, пустой, с гирляндами. Она смотрела на него и не видела. Глаза почему-то защипало.

– И смайлик, – сказала она, не оборачиваясь.

– Смайлик мой, – признался Сергей Иванович. – Он отошёл на кухню, чайник поставить. А я дописал. Не удержался. Он вернулся, увидел и сказал: «Пап, ты что наделал». А было уже поздно. Отправилось. Он потом полчаса ходил по квартире и говорил: «Она подумает, что я идиот. Взрослый мужик со смайликами». А вы, Ирина Андреевна, внесли его в свою таблицу. Он не знал. Но я догадывался.

Ирина обернулась.

– Откуда вы знаете про таблицу?

Сергей Иванович улыбнулся.

– Внучка ваша рассказала. Соня. Артёму. А Артём мне. Это, знаете, у нас теперь такая связь. Как в войну. Через связных.

Лариса Викторовна

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошла Лариса Викторовна. С подносом. На подносе стоял чайник, вазочка с сушками и тарелка с бутербродами. Ирина никогда в жизни не видела, чтобы Лариса Викторовна сама что-то кому-то приносила. Даже генеральному директору.

– Извините, – сказала Лариса Викторовна. – Подумала, что у вас чай остыл. Долго разговариваете.

Она поставила поднос на стол. Посмотрела на Сергея Ивановича поверх очков. Сергей Иванович посмотрел на неё. Потом встал. Медленно, опираясь на трость.

– Лариса Викторовна, – сказала Ирина. – Это Сергей Иванович. Это...

– Знаю, кто это, – сказала Лариса Викторовна. – Смотритель. Маяк. Подстаканник. – Она посмотрела на подстаканник на столе. Взяла его в руки. Повертела. Посмотрела на гравировку. – Хорошая работа. Мельхиор, с серебрением. Пятидесятые годы? Нет, семидесятые. Кольчугинский завод.

Сергей Иванович посмотрел на неё с удивлением.

– Кольчугинский. Семьдесят восьмой год.

– У меня такой же, – сказала Лариса Викторовна. – От отца. Только с ракетой. Он у меня на Байконуре служил. – Она поставила подстаканник обратно. – Садитесь, Сергей Иванович. Вам стоять вредно. Я вижу, вы на трость опираетесь. Сердце?

– Сердце.

– Тогда бутерброды не ешьте, там колбаса. Ешьте сушки. Сушки при сердце можно.

И ушла. На пороге обернулась.

– Ирина Андреевна, аудиторы звонили. Я сказала, что вы на совещании с инвестором. Перенесла на завтра.

Дверь закрылась. Сергей Иванович посмотрел ей вслед долгим взглядом.

– Строгая женщина, – сказал он.

– Главный бухгалтер.

– Это видно. – Он взял сушку. – Анна тоже была бухгалтер. До маяка. В Мурманском порту. Она мне всю жизнь говорила, что у меня в голове не цифры, а погода. А я ей говорил, что погода тоже цифры. Видимость, давление, сила ветра. Двадцать два года я каждые четыре часа записывал цифры в журнал. И погрешности считал. Погрешности приборов. – Он посмотрел на Ирину. – Вот откуда это было. В первом письме. «Двадцать лет считаю погрешности». Это я про себя написал. Честно. Единственное честное, что в том письме было. Кроме кота.

Морошка

Он ушёл в половине пятого. У двери кабинета остановился. Повернулся к Артёму, который всё это время сидел в приёмной под лебедем и пил уже третий чай, принесённый Викой.

– Артём. Сумку.

Артём принёс холщовую сумку. Сергей Иванович взял её и протянул Ирине.

– Это вам. От меня. Не от Глеба. Он не знает, что я здесь. Он думает, что я в поликлинике.

Ирина заглянула в сумку. Там стояла банка. Трёхлитровая, с полиэтиленовой крышкой. Внутри было что-то оранжевое, янтарное, густое.

– Морошка, – сказал Сергей Иванович. – Марина из Мурманска прислала. С Кольского. Её больше нигде нет. Её собирают на болотах в августе, по яголке. Анна варила каждый год. Глеб в детстве за одну банку морошки мог неделю молчать без обиды. Это у него было вместо конфет.

– Сергей Иванович, я не могу...

– Можете, – сказал старик. – Это не взятка. Это компенсация. За фикус, который съел ваш кот, вы дали ему хлорофитум. А за то, что мы с сыном вам месяц голову морочили, я даю морошку. Морошка – морочить. Это, кстати, однокоренные слова, мне Анна говорила. Она в словах разбиралась.

Он кивнул ей. Взял трость.

– До свидания, Ирина Андреевна. Спасибо, что послушали. Я больше не приду. Обещаю.

– Сергей Иванович.

Он остановился.

– Он вам больше писать не будет? – спросила Ирина. И сама удивилась, что спросила.

Старик посмотрел на неё долго. Выцветшими глазами цвета зимнего моря.

– Через планшет – нет, – сказал он. – Он сказал, что больше никогда не возьмёт его в руки. Он вчера отдал его Артёму. Сказал: «Убери. Я не имею права». И удалил анкету. Сам. Артём ему показал, куда нажимать. – Сергей Иванович помолчал. – А как по-другому, я не знаю, Ирина Андреевна. Он у меня по-другому не умеет. Он у меня, знаете, только через стенку умеет. Или через планшет. Или через снег, когда человека из-под лавины достаёт. Прямо, словами, он не умеет. Никогда не умел. Анна сорок лет пыталась научить. Не научила.

Он пошёл к выходу. Артём подхватил его под руку. Сергей Иванович руку не отнял. У лифта старик обернулся, посмотрел на разворот с лебедем над кулером и сказал Вике:

– Девушка. Вы хорошо повесили. Ровно. Глеб бы одобрил. Он любит, когда ровно.

Двери лифта закрылись.

Вечер

Ирина вернулась в кабинет. Банка с морошкой стояла на столе, рядом с бюджетом на первый квартал. Янтарная, тяжёлая, тёплая на свет от лампы.

Лариса Викторовна заглянула в дверь.

– Ушёл?

– Ушёл.

– Хороший старик, – сказала Лариса Викторовна. – Настоящий. Сейчас таких не делают. Как подстаканники кольчугинские.

Она помолчала.

– Ира. Ты чего плачешь?

– Я не плачу.

– Плачешь. У тебя тушь потекла. Вот тут.

Ирина вытерла. Посмотрела на пальцы. Действительно, тушь.

– Он мне рассказал про лавину, – сказала она. – Сорок минут под снегом. И про Нефтегорск. И про то, что сын у него только через стенку умеет. Или через планшет. А теперь планшет отдал.

Лариса Викторовна подошла, взяла банку с морошкой, посмотрела на свет.

– Значит, остаётся стенка, – сказала она. – Стенка, Ира, никуда не денется. Она у вас общая. Её даже управляющая компания не отремонтирует.

Ирина ехала домой по набережной. Банка с морошкой стояла на пассажирском сиденье, пристёгнутая ремнём безопасности. Ирина сама не поняла, зачем пристегнула. Просто так было правильно.

Дома было тихо. Маркиза не было. Ирина знала, где он.

Она поставила банку на стол. Открыла. Запахло летом, болотом и чем-то сладким, северным, незнакомым. Она взяла чайную ложку и попробовала.

Морошка была кисло-сладкая, с маленькими твёрдыми косточками, которые хрустели на зубах. На вкус как ничто, что она пробовала раньше. Как будто кто-то сварил вместе мёд, яблоко и холодный ветер.

Глеб в детстве за одну банку мог неделю молчать без обиды.

Ирина съела ещё ложку. Посмотрела на стену.

За стеной было тихо. Потом скрипнула дверь на лоджию. Шаги. Тяжёлые, чуть неровные. Потом тишина. Он стоял на лоджии. Ирина знала. Она чувствовала это так же точно, как чувствовала ошибку в отчёте, ещё не найдя её.

Она взяла банку с морошкой и чайную ложку. Надела куртку поверх домашнего. Открыла дверь на свою лоджию.

Холодно. Снег на перилах. Жёлтая лампа у Глеба горела за матовой перегородкой. И силуэт. Высокий. Неподвижный. В метре от неё. Через тонкий матовый пластик.

Она стояла и не знала, что сказать. Силуэт тоже не двигался. Тоже не знал.

Минуту они так стояли. Две. По разные стороны перегородки, в которой рыжий кот методично, месяцами, проделывал щель у пола.

Потом Ирина сказала. Негромко. В перегородку.

– Морошка очень вкусная.

Силуэт вздрогнул.

Тишина. Долгая. Потом из-за перегородки, низким голосом, хриловатым, как будто он долго молчал:

– Отец был у вас.

– Был.

– Я ему говорил не ходить.

– Он сказал, что вы думаете, что он в поликлинике.

Тишина.

– Он мне сказал, что в поликлинике, – сказал Глеб. – Я ему поверил. Видимо, это у нас наследственное.

Ирина не удержалась и хмыкнула. В перегородку. Силуэт тоже как будто дёрнулся. Может, тоже хмыкнул. Через матовый пластик было не разобрать.

Потом опять тишина.

– Спокойной ночи, Глеб, – сказала Ирина.

Пауза.

– Спокойной ночи, Ирина Андреевна.

Она вернулась в комнату. Закрыла дверь на лоджию. Поставила банку с морошкой на стол. Руки у неё дрожали. От холода, наверное.

Через десять минут в щель под перегородкой вернулся Маркиз. Он вошёл в комнату, понюхал банку с морошкой, посмотрел на Ирину. На усах у него был снег.

Ирина взяла его на руки. Маркиз стерпел. Даже не стал вырываться. Минуту. Потом спрыгнул и ушёл к миске, всем видом показывая, что это было исключение, по случаю погоды.

Глава 4. Конверт



В четверг утром под дверью лежал конверт.

Ирина чуть не наступила на него. Вышла в прихожую в половине седьмого, сонная, в халате, искать второй тапок, который Маркиз имел привычку уносить в неизвестном направлении. И увидела: на коврике, у самой двери, с внутренней стороны, белый прямоугольник.

Конверт был обычный. Почтовый, без марки, без адреса, такие продаются в любом киоске «Роспечати» по двенадцать рублей. Заклеен. На лицевой стороне, в центре, крупно, синей шариковой ручкой:

«Ирине Андреевне. Кв. 44».

Почерк был мужской. Прямой, чёткий, с наклоном вправо. Буквы отдельно друг от друга, как будто каждую писали по отдельности и каждую обдумывали. Так пишут люди, которые много лет заполняли журналы и протоколы. Или вахтенные журналы.

Ирина подняла конверт. Повертела. Посмотрела на дверь. Дверь была закрыта на два замка. Конверт просунули в щель под дверью. Между дверью и порогом там было миллиметров

пять. Она этого не знала. Она пять лет жила в этой квартире и не знала, что под её дверью можно просунуть конверт.

Маркиз вышел из кухни с её вторым тапком в зубах. Положил тапок на пол. Посмотрел на конверт. Посмотрел на Ирину.

– Не смотри так, – сказала ему Ирина.

Она отнесла конверт на кухню. Положила на стол. Сварила кофе. Выпила кофе. Конверт лежал на столе.

Покормила Маркиза. Помыла чашку. Конверт лежал.

Оделась. Накрасилась за семь минут, не глядя в зеркало. Взяла сумку. Посмотрела на конверт.

Положила его в сумку. Не открывая.

Бережковская

Она открыла его в машине. На парковке у редакции, в восемь пятнадцать, не выключая мотора. Сидела и смотрела на конверт минут пять. Потом аккуратно, ножницами из бардачка, разрезала по краю.

Внутри был один лист. Из тетради в клетку, вырванный аккуратно, без бахромы. Исписан с одной стороны. Тем же почерком.

«Ирина Андреевна.

Отвечать не надо.

Я не буду просить прощения, потому что вы его уже слышали в „Чайке“, и повторять одно и то же – это как у Анатолия про дачу в Апрелевке. Вы мне про него писали. Я помню.

Я хочу рассказать одну вещь, которую не сказал. Потом не буду больше беспокоить.

В ночь вашего дня рождения я сидел на лоджии. Туз спал. То есть я так сказал, что спал. Он не спал. Он сидел у двери и слушал, как вы с подружкой смеётесь. Вы смеялись про вешалку в ЦУМе. Я слышал всё. Перегородка тонкая. Потом вы засмеялись так громко, что во дворе кто-то включил свет. И Туз заскулил. Не от страха. Я его двенадцать лет знаю, я знаю, как он скулит от страха. Он скулил, как скулит, когда я возвращаюсь домой.

Я сказал вам „можно потише“, потому что не знал, что ещё сказать. Мне надо было сказать „с днём рождения“. Я слышал, что у вас день рождения. Подруга вам кричала „за тебя, Ирка“ на весь двор. Я не сказал. Я сказал про собаку. Это у меня всегда так. Я говорю про собаку, когда надо говорить про другое.

Через неделю отец показал мне ваш профиль. Я узнал хвост. Потом узнал смех. На фотографии было видно, что вы смеётесь так же, как в ту ночь. Я вышел на балкон и полчаса стоял. А отец написал вам. Я не остановил. Мог. Не остановил.

Это всё. Я не прошу ничего.

С днём рождения, Ирина Андреевна. С опозданием на полтора месяца. Я всегда опаздываю с главным. Отец говорит, это у меня от него.

Г. В.

Р. S. Ваш кот сегодня ночью опять спал с Тузом. Если вы против, скажите, я заделаю щель. Хотя он, кажется, сделает новую».

Ирина дочитала. Сложила лист. Развернула. Прочитала ещё раз.

Потом откинулась на подголовник и закрыла глаза. Мотор работал. Печка грела ноги. На парковку въехала машина Жанны Аркадьевны, чёрный «Мерседес», и Ирина видела краем глаза, как Жанна Аркадьевна выходит, хлопает дверью и смотрит в её сторону. Ирина не шевельнулась.

Я всегда опаздываю с главным.

Олег за двадцать лет ни разу не опоздал с главным. Он просто никогда до него не доходил.

Лариса Викторовна читает

– Покажи, – сказала Лариса Викторовна в обед.

– Что показать?

– Ира. У тебя с утра лицо, как у человека, который получил письмо. Не по почте. Лично.

Ирина подумала, что надо будет когда-нибудь выяснить, как Лариса Викторовна это делает. Может, у неё действительно есть тетрадка, как у Зинаиды Фёдоровны. Только невидимая.

Она достала конверт из сумки. Протянула.

Лариса Викторовна надела очки. Вытащила лист. Прочитала. Медленно, шевеля губами, как читала Галина Петровна. Потом перевернула лист, посмотрела, нет ли чего на обороте. На обороте ничего не было.

Она сложила лист обратно в конверт. Отдала Ирине.

– Почерк хороший, – сказала она.

– И всё?

– А что ещё? – Лариса Викторовна сняла очки. – Ира, я тридцать лет смотрю на почерки. На актах, на накладных, на объяснительных. Почерк, Ира, человека выдаёт хуже, чем нос. Вот у Олега твоего какой почерк был?

Ирина подумала.

– Размашистый. С завитушками. Он подпись свою репетировал. Ещё в институте.

– Вот, – сказала Лариса Викторовна. – Завитушки. А тут ни одной завитушки. Каждая буква отдельно. Как кирпичи. Так пишут люди, которые за каждое слово отвечают. Которые не могут написать «приеду в шесть» и приехать в семь.

– Он приехал в «Чайку» в четыре ноль девять, – сказала Ирина. – Оpozдал на девять минут.

– Он опоздал, потому что двадцать минут стоял у входа и не решался войти, – сказала Лариса Викторовна. – Мне Соня рассказала. Она в окно видела. Он с собакой стоял на углу и курил.

– Он не курит.

– Значит, стоял и не курил, – сказала Лариса Викторовна. – Это даже хуже. Это значит, хотел, а не стал.

Она вернулась к монитору. Потом, не оборачиваясь, сказала:

– Отвечать будешь?

– Он пишет «отвечать не надо».

– Ира, – сказала Лариса Викторовна. – Когда мужчина пишет «отвечать не надо», это значит, что он будет каждое утро смотреть под дверь. Ты что, никогда не писала записку Олегу «не жди меня к ужину»?

– Писала.

– И что, он не ждал?

Ирина подумала. Олег никогда не ждал её к ужину. Он вообще не замечал, дома она или нет.

– Плохой пример, – сказала Лариса Викторовна. – Неважно. Поняла, что я имею в виду.

Второе

В пятницу утром под дверью лежал второй конверт.

Ирина на этот раз его ждала. Она проснулась в шесть, за полчаса до будильника, и первым делом пошла в прихожую. Конверт лежал. Такой же. Двенадцатирублёвый. «Ирине Андреевне. Кв. 44».

Она открыла его на кухне. Сразу. Не стала ждать парковки.

«Ирина Андреевна.

Я обещал больше не беспокоить. Не сдержал. Это второй раз за неделю, когда я не сдерживаю обещание. Первый раз был в „Чайке“: я обещал отцу, что подойду сам, а попросил официантку. Отец мне это до сих пор напоминает.

Отвечать не надо.

Вчера вечером вы сказали, что морошка вкусная. Я долго думал, почему вы сказали про морошку. Отец мне рассказал, что принёс вам банку. Я сказал ему, что так нельзя, что это навязчиво. Он сказал: „Глеб, когда тебе было восемь, ты подарил девочке из интерната банку морошки, и она с тобой дружила до выпускного“. Это правда. Её звали Ольга. Она потом вышла замуж за подводника. Мы до сих пор переписываемся. Открытками, на Новый год. Она ни разу не забыла.

Я хочу рассказать вам про морошку.

На Святом Носу морошка растёт на болоте за маяком. До болота идти два километра по камням. Мать ходила туда каждый август. Брала меня, когда я приезжал из интерната. Мы шли с двумя вёдрами. Собирали по ягодке. Морошку нельзя собирать горстью, как чернику, она давится. Только по одной. Ведро собирается шесть часов. Мать говорила, что это самое терпеливое занятие на свете. Что если человек может собрать ведро морошки, он может всё.

Я в восемь лет собрал полведра и сел на камень плакать. Мать села рядом. Ничего не сказала. Мы посидели. Потом она встала и пошла собирать дальше. Я тоже встал. К вечеру собрал ведро.

Это всё. Я не знаю, зачем я это рассказал.

Наверное, затем, что вы сказали, что вкусная. А я её с детства не могу есть. Не потому что не люблю. Потому что вкус такой, как будто мать рядом сидит на камне. Она умерла восемь лет назад. Отец ест. Он сильнее.

Г. В.

Р. S. Ваш кот съел хлорофитум. Наполовину. Девушка в магазине была права: ему ничего не будет. Хлорофитум тоже, кажется, не возражает».

Ирина сидела на кухне с письмом в руках. Маркиз сидел напротив и смотрел. Вид у него был невинный, как у человека, который съел наполовину чужой хлорофитум и ничуть об этом не жалеет.

Она встала. Достала из шкафчика банку с морошкой. Открыла. Взяла ложку.

Ела морошку и смотрела в окно. Как будто мать рядом сидит на камне.

Ей вдруг очень захотелось позвонить маме. В шесть двадцать утра. Просто чтобы услышать, как мама скажет: «Ира? Что случилось? Ты в шесть никогда не звонишь».

Она не позвонила. Но решила, что в воскресенье поедет в Подольск. Без повода.

Коробка

Письма приходили каждый день.

В субботу пришло про Туза. Как Туза взяли щенком на Домбае, у пастуха, который отдавал выводок, потому что «бассеты для гор не годятся, лапы короткие, в снегу тонут». Глеб взял самого маленького. Того, что тонул в снегу сильнее всех. Привёз в Москву за пазухой, в поезде. Алла сначала была против, потом полюбила Туза больше, чем Глеба. «Это было нетрудно, – писал он. – Туз всегда был дома. Я – нет».

В воскресенье пришло про Нефтегорск. Коротко. Пять строк. Что ему было двадцать лет. Что он две недели работал на завалах. Что вытащил из-под плиты девочку лет пяти, живую. Что больше ничего про Нефтегорск писать не будет, «потому что про это нельзя писать в письмах, которые кладут под дверь соседке. Про это вообще нельзя писать. Просто хотел, чтобы вы знали: девочку звали Настя. Ей сейчас тридцать шесть. У неё трое детей. Она мне каждый год звонит двадцать восьмого мая».

В понедельник пришло про книги. Про четыреста книг на маяке. Про то, что он прочитал «Войну и мир» в двенадцать лет за одну зиму в интернате и ничего не понял, а в тридцать перечитал в палатке на Эльбрусе и понял всё. Про то, что Довлатова ему подарила Алла и это была единственная её вещь, которую он не выбросил. Кроме фикуса, но фикус он не выбрасывал, потому что «живое не выбрасывают, даже если ненавидят».

Во вторник про отца. Как отец в восемьдесят третьем году во время шторма сорок часов не спал, потому что генератор отказал и маяк надо было зажигать вручную, керосиновой лампой, каждые четыре часа подниматься наверх по ста двенадцати ступенькам. Как мать носила ему наверх чай. В подстаканнике.

Ирина складывала письма в коробку. Коробка была от крема «Ла Мер». Бархатная, синяя, с золотыми буквами. Олег когда-то подарил ей этот крем на сорокалетие. Крем давно кончился, а коробку Ирина хранила. Сама не знала зачем. Теперь узнала.

Она никому не говорила про письма. Кроме Ларисы Викторовны. Лариса Викторовна каждый день в обед смотрела на неё поверх очков и спрашивала одно слово:

– Ну?

– Про отца, – отвечала Ирина. Или: «про книги». Или: «про собаку».

Лариса Викторовна кивала и возвращалась к монитору. Один раз, в понедельник, она сказала, не оборачиваясь:

– Шестое письмо. Ира, мой прапорщик мне за всю жизнь написал одно. И то объяснительную. На имя моего отца. Почему опоздал на мой день рождения.

– Почему?

– Задержали на КПП. Он там шёл с букетом и бутылкой коньяка. Его приняли за диверсанта.

Тамаре и Соне Ирина про письма не говорила. Тамара бы потребовала прочитать вслух, с выражением, за бокалом. А Соня бы составила таблицу. С датами и темами. И, наверное, графиком.

А это было не для таблицы. Это было как банка с морошкой. Ешь по ложке и молчишь.

Тамара на льду

В среду позвонила Тамара. Голосом, каким она обычно сообщала о новом мужчине или о новой шубе.

– Ира. Сядь.

– Сижу.

– Николай пригласил меня на Новый год.

– Поздравляю. Куда? В ресторан?

Пауза.

– На лёд, – сказала Тамара.

– Куда?

– На лёд, Ира! На Истринское водохранилище! На зимнюю рыбалку! Тридцать первого декабря! С ночёвкой! В палатке! Он говорит, что у него палатка с печкой, и что Новый год на льду – это лучшее, что может быть в жизни, и что он двадцать лет так встречает, и что он хочет, чтобы в этот раз я была с ним! Ира, на льду! Я! Тамара! У которой четыре салона и норковая шуба до пола!

– И что ты сказала?

Пауза. Длинная.

– Я сказала «да», – сказала Тамара тихо. – Ира, я сказала «да». Я сама не поняла как. Он спросил, а я сказала «да». Ира, что со мной? Я схожу с ума? Мне сорок четыре года, я три раза была замужем, я встречала Новый год в Куршевеле, в Дубае и один раз на яхте у Арсена в Сочи, правда, яхта была не его. А теперь я буду встречать на льду. С мужиком, который за вечер говорит три слова. Одно из которых «клюёт».

– Тома, ты счастлива?

Пауза.

– Да, – сказала Тамара. – Ира, я так счастлива, что мне страшно. Я сегодня купила термомобиль. В «Спортмастере». Я, Ира. В «Спортмастере». Продавщица спросила, для кого. Я сказала: для себя. Она не поверила. Она на мою шубу смотрела.

Ирина засмеялась. Тамара тоже.

– А ты где будешь? – спросила Тамара. – На Новый год?

– В Подольске. У мамы.

– С кем?

– С мамой.

– А Соня?

– Соня тоже. Наверное.

– А... – Тамара помолчала. – А этот?

– Какой этот?

– Ира, не прикидывайся. Двойной агент. Сосед. Глеб. Он где будет?

– Не знаю, – сказала Ирина. – У отца, наверное. У отца сердце.

– А ты с ним разговаривала?

Ирина помолчала. Подумала о коробке от «Ла Мер». Семь писем. Ни одного ответа.

– Нет, – сказала она. – Не разговаривала.

Это была правда. Почти.

Соня

Соня вечером приехала с рюкзаком. Она теперь жила у мамы через день. Через день у Тимура, «чтобы он не подумал, что я ушла насовсем». Ирина не спрашивала. Ждала.

Соня поставила рюкзак в прихожей, сняла куртку и сказала:

– Мам. Я сегодня с Артёмом кофе пила.

Ирина отложила ноутбук.

– По делу, – быстро добавила Соня. – Мам, исключительно по делу. Мы обсуждали ситуацию. Взрослых.

– Каких взрослых?

– Вас. Тебя и Глеба. Ну и деда. – Соня прошла на кухню, налила себе чаю, села. – Мам, Артём говорит, Глеб каждый вечер пишет. От руки. В тетради. Сидит у деда на кухне, пишет, рвёт, пишет снова. Дед говорит, он за неделю исписал две тетради. А под дверь кладёт одно письмо. Одно из двадцати. Мам, он тебе пишет письма?

Ирина помолчала.

– Пишет.

– Каждый день?

– Каждый день.

– А ты?

– Что я?

– Отвечаешь?

– Нет.

Соня посмотрела на маму долго. С тем самым выражением, с которым Галина Петровна смотрела на продавщицу с вчерашним творогом.

– Мам. Это жестоко.

– Сонь, он сам пишет «отвечать не надо».

– Мам. Тимур мне тоже говорит: «Мне ничего не надо». А потом обижается, что я ему ничего не купила. – Соня отпила чай. – Хотя это другое. Тимур врёт. А Глеб, Артём говорит, правда ничего не ждёт. Он просто пишет. Дед говорит, это у него как с морошкой. Собирает по ягодке. Даже если ведро никогда не наполнится.

Ирина посмотрела на дочь.

– Откуда ты знаешь про морошку?

– Артём рассказал, – сказала Соня и покраснела. – Мам, это по делу. Мы координируем.

– Вы координируете уже неделю.

– Ну и что? Ситуация сложная. Требуется координация.

Ирина не стала спорить. Она видела, как у Сони светятся глаза. Так у неё светились глаза в восемь лет, когда она принесла домой рыжего котёнка с огромными ушами.

Тимур, подумала Ирина, никогда не заставлял её глаза так светиться. За полтора года.

Ответ

В четверг вечером, через неделю после первого конверта, Ирина сидела на кухне. Перед ней лежал лист. Из блокнота, в котором она обычно записывала цифры на совещаниях. Клетчатый, с логотипом журнала «Мадам» в углу.

Восьмое письмо пришло утром. Про снег. Про первый снег на Святом Носу, который выпадал в сентябре, и про то, что мать в первый снег всегда пекла пирог с треской. Короткое. И в конце, после подписи, не постскриптум, а просто строчка, которую, видимо, хотел зачеркнуть, но не зачеркнул:

«Я не знаю, читаете ли вы. Может быть, вы выбрасываете их не открывая. Это будет правильно. Я всё равно буду писать. Мне нужно куда-то это класть».

Ирина взяла ручку.

Она двадцать лет писала служебные записки, докладные, объяснительные для налоговой. Она знала, как писать коротко и по делу. Она умела в три строчки объяснить совету директоров, почему квартальная прибыль упала на одиннадцать процентов.

Сейчас она сидела над листом двадцать минут и не могла написать ни слова.

Маркиз запрыгнул на стол. Сел на лист. Ирина сняла его. Маркиз запрыгнул снова. Сел снова. Она сняла снова.

На третий раз она просто написала, пока Маркиз прицеливался.

«Г. В.

Читаю. Все. Не выбрасываю. Храню в коробке от крема.

Отвечать не буду. Пока.

Морошку ем по ложке. Как вы сказали. Вкус такой, будто кто-то рядом сидит на камне. Не знаю кто.

И. А.

P. S. Маркиз не против спать с Тузом. Я тоже. Щель не заделывайте».

Она перечитала. Хотела зачеркнуть «пока». Не зачеркнула. Хотела дописать что-нибудь ещё. Не дописала.

Сложила лист пополам. Конверта у неё не было. Она подумала. Потом взяла из ящика старую открытку, новогоднюю, прошлогоднюю, от управляющей компании. «Уважаемые жильцы! С Новым годом!» С ёлкой и снеговиком. Вложила лист в открытку.

Вышла на площадку. В халате, в тапках. Было без пятнадцати двенадцать. На площадке горела одна лампа из двух, вторая перегорела ещё в октябре, и Ирина как председатель совета дома уже дважды писала про неё в управляющую компанию.

Дверь Глеба. Коричневая, обитая дерматином, как у Михаила в Медведкове. Номер сорок пять. Под дверью щель. Миллиметров пять.

За дверью тихо. Туз не выл. Значит, Глеб дома.

Ирина присела на корточки. Просунула открытку под дверь. Она прошла с трудом, ёлкой вперёд. Снеговик зацепился. Ирина подтолкнула пальцем.

Открытка исчезла.

Ирина выпрямилась. Колено хрустнуло. Правое, с мениском. Громко, на всю площадку.

За дверью послышались шаги. Тяжёлые, неровные. Ближе.

Ирина метнулась к своей двери. Ключ в замке повернулся с первого раза. Она влетела в квартиру и захлопнула дверь. Прижалась к ней спиной. Сердце колотилось, как в восьмом классе, когда она подложила записку в портфель Вове Самохину и убежала.

Через дверь она слышала, как щёлкнул замок напротив. Дверь Глеба открылась. Тишина. Он стоял на площадке. Ирина видела его в глазок. Высокий, в футболке, с открыткой в руках. С ёлкой и снеговиком.

Он стоял и смотрел на её дверь.

Потом опустил глаза на открытку. Раскрыл. Достал лист. Прочитал. Ирина видела, как он читает: медленно, наклонив голову. Потом прочитал ещё раз.

Потом поднял голову. Посмотрел в её глазок. Прямо в него. Как тогда, когда ставил Маркиза на коврик.

И улыбнулся.

Не углом рта. Всем лицом. Ирина первый раз видела, как он улыбается всем лицом. Морщины у глаз собрались лучами. Лицо стало моложе лет на десять. Как будто кто-то выключил в нём что-то тяжёлое и включил что-то другое.

Он постоял ещё секунду. Потом поднял руку и негромко постучал пальцами по косяку своей двери. Ирина не сразу поняла ритм. Потом поняла.

Два длинных. Один короткий.

Он ушёл к себе. Дверь закрылась.

Ирина стояла в прихожей, прижавшись спиной к двери. Маркиз сидел напротив и смотрел на неё.

– Не смотри так, – сказала ему Ирина.

Маркиз смотрел.

Она посмотрела на свою руку. Потом подняла её и постучала по своей двери изнутри. Тихо. Сама не зная зачем.

Два длинных. Один короткий.

Из-за двери напротив не донеслось ни звука. Может, он не услышал. Может, услышал.

Ирина пошла спать. И впервые за неделю уснула сразу.

Глава 5. Переписка по старинке



Через неделю у них установился порядок.

Ирина не помнила, когда в последний раз в её жизни что-то устанавливалось само. Всё, что было в её жизни упорядоченного, она упорядочивала сама: бюджеты, графики платежей, совет дома, Маркизово кормление. А это установилось само. Как погода.

Утром под её дверью лежал конверт. Двенадцатирублёвый, с прямыми буквами. Она читала его за кофе, на кухне, и клала в коробку от «Ла Мер».

Вечером, не каждый день, через день, иногда через два, она писала ответ. На листке из блокнота с логотипом «Мадам». Коротко. Пять строк, иногда десять. Конвертов она так и не купила, хотя каждый день проезжала мимо киоска. Вкладывала листок в то, что попадалось под руку. В рекламный буклет пиццерии. В квитанцию за капремонт. Один раз в программку Большого театра, которую Тамара два года назад забыла у неё после «Щелкунчика».

Около полуночи она выходила на площадку и просовывала под дверь сорок пятой. Потом быстро уходила к себе. Через минуту за дверью напротив щёлкал замок, и Глеб стучал по косяку. Два длинных, один короткий.

Она стучала в ответ. По своей двери, изнутри.

Это было глупо. Ирина понимала, что это глупо. Сорокатрёхлетняя женщина, финансовый директор, председатель совета дома, каждую ночь стучит по двери, как девочка в пионерлагере, которая перестукивается с мальчиком из соседнего корпуса через стенку. Если бы кто-нибудь из редакции это увидел, её авторитет, который она выстраивала двадцать лет, рухнул бы за одну секунду. Как пирамида Эдуарда.

Но никто не видел. Кроме Маркиза. А Маркиз никому не рассказывал. По крайней мере, людям.

О чём писали

Писали о разном.

Он писал про маяк. Про Кольский. Про то, как на Святом Носу зимой в полярную ночь солнце не встаёт шесть недель и как мать в последний день перед полярной ночью выводила их с Мариной на скалу смотреть на последнее солнце. Про шторм восемьдесят седьмого. Про то, как отец научил его вязать морские узлы раньше, чем писать буквы.

Она писала про работу. Про Киру, которая к январскому номеру придумала концепцию «Снежная королева» и запросила северного оленя. Про Жанну Аркадьевну, которая по секрету сказала, что владелец журнала собирается продавать «Мадам» какому-то медиахолдингу и что «Ирина, вам придётся готовить их к проверке, а я их боюсь». Про то, как Ирина утвердила Кире оленя. Плюшевого. Кира плакала в туалете.

Он писал про Туза. Что Тузу лучше. Что ест. Что вчера, гуляя, нашёл на Плющихе чей-то шарф и принёс домой, как трофеем. Что шарф вязаный, в красно-белую полоску, и что, если Ирина знает, чей это шарф, пусть скажет, он вернёт.

Она писала, что шарф Зинаиды Фёдоровны. Что Зинаида Фёдоровна уже третий день ищет его по всему двору и подозревает в краже консьержку.

Он писал: «Вернул. Сказал, что Туз нашёл. Она сказала, что Туз умная собака и что она его вычеркнет из тетрадки. Из графы „вой“. Перенесёт в графу „благодарность“. Оказывается, у неё есть графа „благодарность“. Там пока только Туз и вы. Вы там за то, что председатель. Я там нет».

Она писала про маму. Что мама на Новый год пригласила её в Подольск. «И Ивана Палыча. Это отец Виктора, учителя физики, с которым я гуляю в Ботаническом. Иван Палыч ругает правительство. Мама тоже. Они познакомились по телефону и уже трижды поссорились. Из-за правительства. Они ругают его по-разному. Мама за цены на гречку, а Иван Палыч за то, что в его время было лучше. Мама говорит, что в его время гречки вообще не было, а Иван Палыч говорит, что была, но по талонам, и это было честнее».

Он писал: «Я бы хотел на это посмотреть».

Она не ответила на эту строчку. Но перечитала её четыре раза.

Сонины викинги

В пятницу, за неделю до Нового года, Соня приехала в одиннадцать вечера. Без звонка. С двумя рюкзаками и чемоданом на колёсиках. Колёсико у чемодана было сломано, и он громышал по площадке, как трамвай.

Ирина открыла дверь. Посмотрела на чемодан. Посмотрела на Соню.

– Насовсем? – спросила она.

– Насовсем, – сказала Соня. И не заплакала. Ирина ждала, что заплачет, как тогда, в четверг перед «Чайкой». Соня не заплакала. Она вкатила чемодан в прихожую, сняла куртку, повесила на крючок и сказала:

– Мам, у тебя есть что-нибудь поесть? Я с утра ничего не ела. Я весь день разговаривала.

Ирина разогрела котлеты. Соня ела молча, быстро, как едят люди, которые долго держались и наконец отпустили. Маркиз сидел у её ног и смотрел на котлету с выражением глубокой обиды за то, что ему не предложили.

Потом Соня отодвинула тарелку и рассказала.

Что она поговорила с Тимуром. Утром. Спокойно, как мама советовала. Сказала, что видела историю игры. Что знает, что он не делает свою игру. Что больше не будет платить за квартиру одна. Что даёт ему месяц.

– И что он?

– Сначала обиделся, – сказала Соня. – Сказал, что я его не поддерживаю. Что творческому человеку нужно время. Что я как все. Что я меркантильная. Мам, он сказал, что я меркантильная. Я, которая полгода платила за его квартиру и его кроссовки.

– А потом?

– А потом он сказал, что я как ты. – Соня усмехнулась. – Сказал: «Ты как твоя мать. Бухгалтер. Всё считаешь». Мам, я сказала: «Моя мать не бухгалтер. Моя мать финансовый директор. И она лебедя руками ловит». А он сказал: «Какого лебедя?» Он даже не видел журнал. Я ему три раза показывала. Он не видел.

Ирина молчала. Соня смотрела в тарелку.

– И я поняла, что всё, – сказала Соня. – Не потому что он меня обидел. А потому что он не видел журнал. Мам, ты понимаешь? Я ему три раза показывала. А Артём...

Она остановилась.

– Что Артём? – спросила Ирина.

Соня покраснела.

– Артём купил три экземпляра, – сказала она в тарелку. – Один себе, один деду, один мне. Мне, мам. Чтобы у меня был. Он принёс его в кофейню, в файлике, чтобы не помялся. И сказал: «Твоя мама невероятная. Дед говорит, что такие женщины были только в его время». Мам, он сказал «твоя мама». Не «эта женщина с лебедем». Твоя мама.

Ирина посмотрела на дочь. На её красные уши. На то, как она крутит в пальцах вилку.

– Сонь, – сказала Ирина. – Вы координируете?

– Координируем, – сказала Соня и вдруг засмеялась. Мокро, через нос, но засмеялась. – Мам, я дура?

– Нет, – сказала Ирина. – Ты моя дочь. Это хуже. Мы обе долго видим только то, что хотим видеть. Зато потом видим сразу всё.

Соня обняла её через стол. Котлета упала на пол. Маркиз съел её быстрее, чем кто-либо успел возразить.

Лариса Викторовна и открытка

В понедельник Лариса Викторовна пришла на работу на полчаса позже обычного. Такого не случалось за все пять лет, что Ирина с ней работала. Лариса Викторовна приходила в восемь ноль-ноль, даже когда в Москве был ледяной дождь и метро стояло. Она говорила, что прошла пешком от Киевской, и ей верили, потому что у неё на сапогах был лёд.

Сегодня она пришла в восемь тридцать. Без льда на сапогах. И с лицом, какого Ирина у неё никогда не видела. Растерянным.

Она прошла в бухгалтерию, села за стол, включила компьютер. Не надела очки. Сидела и смотрела в выключенный монитор.

Ирина зашла через десять минут. С двумя кофе.

– Лариса Викторовна. Что случилось?

Лариса Викторовна молча открыла сумку. Достала открытку. Новогоднюю, с Дедом Морозом и тройкой лошадей. Положила на стол.

– Из Твери, – сказала она. – Пришла в субботу. Раньше всегда приходила тридцатого. А тут двадцатого. Семнадцатая.

Ирина посмотрела на открытку. На обороте мелким, старательным почерком, каким пишут люди, которые редко пишут, было:

«Дорогая Лариса! С наступающим Новым годом! Желаю здоровья, счастья и всего хорошего. Лариса, в этом году у меня умерла Валентина. Жена. В августе. Онкология. Дети разъехались, внуки в Питере. Я теперь один. Ничего не прошу, просто хотел, чтобы ты знала. Ты, наверное, не помнишь, но в две тысячи девятом я тебе полку повесил на кухне. Если она упала, я могу приехать и повесить снова. Это я шучу. С Новым годом. Фёдор».

Ирина перечитала. Посмотрела на Ларису Викторовну.

– Полку, – сказала Ирина. – Лариса Викторовна, вы мне говорили про полку. Месяц назад. Что вам прапорщик из вашего подъезда повесил полку в девяносто восьмом. Я думала, это другой прапорщик.

– Это он, – сказала Лариса Викторовна. – Он у меня тогда жил. Полгода. До того, как я узнала, что он не подполковник. Я тебе соврала. И про подъезд, и про год. Неудобно было. – Она помолчала. – Полка висит. Семнадцать лет. Я на неё специи ставлю.

Ирина села напротив.

– Будете отвечать?

– Семнадцать лет не отвечала, – сказала Лариса Викторовна. – С чего теперь?

– С того, что у него умерла жена. И он один. И он написал про полку.

Лариса Викторовна взяла открытку. Посмотрела на Деда Мороза с тройкой.

– Ира. Мне шестьдесят. Ему шестьдесят три. Это смешно.

– Моей маме семьдесят три, – сказала Ирина. – Она в субботу едет с Иваном Палычем на рынок выбирать рассаду. В декабре. Иван Палычу восемьдесят. Это не смешно, Лариса Викторовна. Это рассада.

Лариса Викторовна посмотрела на неё поверх отсутствующих очков. Потом вдруг полезла в ящик стола. Долго рылась. Достала открытку. Чистую, новогоднюю, с ёлкой. Видимо, лежала там давно, с какого-то корпоратива.

Положила перед собой. Взяла ручку.

– Иди, – сказала она, не поднимая глаз. – Иди работай. Мне надо акт сверки делать.

Ирина вышла. Через стеклянную стену бухгалтерии она видела, как Лариса Викторовна сидит над открыткой с ручкой в руке. Пять минут. Десять. Потом наклонилась и начала писать.

Писала долго. Для открытки слишком долго.

Корпоратив

Новогодний корпоратив проходил в пятницу, двадцать шестого, в ресторане на крыше бизнес-центра на Павелецкой. Того самого, где был офис «Квантум-Капитала». Ирина узнала об этом, только когда приехала. Жанна Аркадьевна выбирала ресторан сама и сказала, что там «потрясающий вид».

Вид был действительно потрясающий. Москва в огнях, Кремль, высотки. И на седьмом этаже, прямо под рестораном, табличка «Квантум-Капитал» была заклеена бумагой. На бумаге было написано от руки: «Офис закрыт. По всем вопросам обращаться в ОБЭП».

Ирина постояла у лифта и посмотрела на эту табличку. Потом поехала на крышу.

Кира превзошла себя. Концепция называлась «Лебединое озеро на Новый год». В центре зала стоял ледяной лебедь. Огромный, метра два, с изогнутой шеей. Из льда. Он медленно таял под софитами, и у его лап собиралась лужа. Официанты обходили её с подносами. Кира бегала вокруг лебедя и вытирала лужу салфетками.

– Ирина Андреевна, – сказала она, задыхаясь. – Не смотрите так. Лёд в бюджете. Я по смете уложилась. Он по бартеру. Ледовая студия в выходных данных.

– Кира, он тает.

– Это концепция! Время уходит! Всё тает! Год кончается!

Ирина не стала спорить. Она посмотрела на лебедя. Лебедь таял трагично. Как, наверное, и задумывала Кира.

Корпоратив был как корпоратив. Жанна Аркадьевна сказала тост про сильных женщин. Пётр Семёнович сказал тост про продажи. Стажёр Дима напился и признался Наденьке в любви. Наденька сказала, что подумает. Олеся Игоревна танцевала с коммерческим директором. Лариса Викторовна сидела в углу с бокалом минералки и смотрела в окно на огни, и вид у неё был такой, будто она ждала чего-то. Ирина знала чего. Ответа из Твери.

В одиннадцать Жанна Аркадьевна под села к Ирине с бокалом шампанского.

– Ирина. Можно личный вопрос?

– Можно.

– Вы влюбились?

Ирина поперхнулась.

– Почему вы так думаете?

– Потому что вы последний месяц смотрите в телефон и не улыбаетесь. А раньше смотрели в телефон и улыбались. А теперь смотрите в окно и улыбаетесь. – Жанна Аркадьевна отпила шампанского. – Я двадцать лет главный редактор женского журнала. Я знаю, как выглядят влюблённые женщины. Они смотрят в окно. Это у них главный признак. Мы даже материал делали. «Десять признаков, что вы влюблены». Окно было на первом месте.

Ирина подумала. Она действительно последнюю неделю смотрела в окно. В основном на лоджию соседа. Где по вечерам горела жёлтая лампа. Или не горела, если он был у отца.

– Не знаю, – сказала она честно. – Я не знаю, Жанна Аркадьевна.

– Это тоже признак, – сказала Жанна Аркадьевна. – Номер семь. «Вы не знаете». – Она поставила бокал. – Ирина, мне нужно вам кое-что сказать. Не про личное. Про журнал. Владелец нашёл покупателя. «Глянец-Медиа». Это большой холдинг, у них семь журналов, три сайта и радиостанция. Они хотят нас купить. Через месяц придут на проверку. Ирина, они придут к вам. Будут смотреть каждую цифру.

– Я готова, – сказала Ирина.

– Я знаю, что вы готовы, – сказала Жанна Аркадьевна. – Вы всегда готовы. Я не готова. Если они нас купят, они меня уволят. У них свои главреды. Молодые. Которые знают, что такое контент-стратегия. Я, Ирина, не знаю, что такое контент-стратегия. Я знаю, что такое журнал.

Ирина посмотрела на неё. На чёрное платье, на идеальную стрижку, на пятьдесят два года, которые она носила как сорок. На руки, которые крутили ножку бокала. Руки у Жанны Аркадьевны дрожали.

– Жанна Аркадьевна, – сказала Ирина. – Мы что-нибудь придумаем.

– Вы придумаете, – сказала Жанна Аркадьевна. – Вы всегда что-нибудь придумываете. Лебедя поймали. Пирамиду обрушили. Ирина, придумайте что-нибудь и с «Глянец-Медиа». Пожалуйста.

Она встала и ушла танцевать с Петром Семёновичем. Ирина смотрела, как она танцует. Красиво, как танцуют женщины, которые знают, что на них смотрят.

Ледяной лебедь посреди зала потерял клюв.

Тридцатое

Тридцатого декабря Ирина выходила из квартиры в девять утра. Ехать в «Ашан» за продуктами для маминого стола: мама составила список на два листа, и половина пунктов была подчёркнута двумя чертами. «Майонез „Провансаль“, НЕ ДРУГОЙ». «Горошек „Бондюэль“, НЕ ДРУГОЙ». «Мандарины абхазские, НЕ МАРОККАНСКИЕ, ОНИ КИСЛЫЕ».

Она вызвала лифт. Лифт приехал. Двери открылись.

В лифте стоял Глеб.

С Тузом. Туз в клетчатой попонке, свежий пластырь на лапе. Глеб в кожаной куртке, без шапки, хотя Зинаида Фёдоровна велела надевать. Уши красные.

Они посмотрели друг на друга.

Это была первая встреча с «Чайки». Девятнадцать писем назад. Ирина знала, что это девятнадцать, потому что вчера вечером пересчитала. Девятнадцать его. Восемь её.

– Доброе утро, – сказал Глеб.

– Доброе утро, – сказала Ирина.

Она вошла в лифт. Двери закрылись. Глеб нажал кнопку первого этажа. Ирина смотрела на кнопки. Глеб смотрел на кнопки. Туз смотрел на Ирину и шевелил носом. Потом подошёл и положил голову ей на сапог. Тяжёлую, тёплую голову с длинными ушами.

– Туз, – сказал Глеб.

– Пусть, – сказала Ирина.

Лифт ехал вниз. На седьмом этаже он запел. Протяжно, на одной ноте, с переливом.

Туз поднял голову и запел вместе с ним. Басом. Мимо нот.

Ирина засмеялась. Глеб тоже. Тихо, коротко. Как тогда, после собрания. Только теперь они оба знали, кто они. И смеялись, кажется, от этого ещё сильнее.

На пятом смех кончился. Стало тихо и неловко.

– Вы в Подольск? – спросил Глеб. – Завтра?

– Сегодня. За продуктами. Мама прислала список.

– Майонез «Провансаль»?

Ирина посмотрела на него.

– Откуда вы знаете?

– Вы писали, – сказал Глеб. – Что мама признаёт только «Провансаль». И мандарины абхазские. Я запомнил.

Ирина не помнила, что писала про майонез. Наверное, писала. В какой-нибудь записке. В квитанции за капремонт.

Третий этаж. Второй.

Глеб полез во внутренний карман куртки. Достал конверт. Такой же, двенадцатирублёвый. Только на этом было написано не «Ирине Андреевне. Кв. 44», а другое:

«Открыть в полночь. Не раньше».

Он протянул конверт ей. Рука у него была крупная, со шрамом на костяшках. Без часов.

– Я сегодня к отцу, – сказал он. – На все праздники. Под дверь не смогу. Вот.

Ирина взяла конверт.

– Не раньше полуночи?

– Не раньше, – сказал Глеб. – Пожалуйста. Отец сказал, если вы откроете раньше, он мне не простит. Он его тоже читал.

– Вы всё отцу показываете?

– Всё, – сказал Глеб просто. – Он у меня редактор.

Лифт приехал на первый. Двери открылись. Глеб вышел, пропуская Туза. Туз шёл медленно, в попонке, как старый лорд.

Глеб обернулся.

– С наступающим, Ирина Андреевна.

– С наступающим, Глеб.

Он ушёл. Ирина стояла в лифте. Двери начали закрываться. Она выскочила в последний момент. У почтовых ящиков стояла Зинаида Фёдоровна в берете, с тетрадкой в руках.

Зинаида Фёдоровна посмотрела на Ирину. На конверт в её руке. На дверь подъезда, за которой исчез Глеб.

И, не говоря ни слова, открыла тетрадку и что-то в неё записала.

Ирина положила конверт во внутренний карман пальто. Туда, где у неё обычно лежали права и техпаспорт. Застегнула карман на пуговицу.

Весь день, в «Ашане», в пробке на Варшавке, у мамы на кухне, пока они резали оливье, она время от времени трогала карман. Проверяла, на месте ли.

Конверт был на месте.

Глава 6. Оливье по талонам



Тридцать первого декабря в два часа дня к пятиэтажке на улице Кирова подъехала «Нива».

Ирина видела её из окна маминной кухни. Белая, старая, но вымытая до блеска, с новыми зимними колёсами и ёлочкой-освежителем на зеркале. Из «Нивы» вышел Виктор. В том же сером свитере под той же старой курткой. Обошёл машину, открыл пассажирскую дверь.

Из пассажирской двери долго никто не выходил. Потом появилась нога. В валенке. Настоящем, сером, с калошей. Потом вторая. Потом трость. Потом, наконец, весь Иван Павлович.

Он был маленький. Ниже Виктора на голову. Широкий, плотный, с белыми усами щёткой и в ушанке из натуральной ондатры, которая, судя по виду, помнила ещё Брежнева. Под расстёгнутым пальто виднелись пиджак и новая рубашка. В клетку. Та самая, которую Виктор ему купил для телефонного разговора.

Иван Павлович постоял у машины. Посмотрел на пятиэтажку. Посмотрел на окна второго этажа. Снял ушанку, пригладил редкие волосы, надел обратно.

– Мам, – сказала Ирина. – Приехали.

Галина Петровна стояла у плиты. Она замерла с половником в руке.

– Как он? – спросила она, не оборачиваясь.

– Маленький, – сказала Ирина. – В ушанке. С усами.

– В какой ушанке?

– Ондатровой.

Галина Петровна поставила половник. Сняла фартук. Поправила химию. Посмотрела в зеркальце на холодильнике «Саратов», которое висело там с восемьдесят девятого года. Достала из кармана халата помаду «Ленинградскую» и подкрасила губы.

– Ондатровая, – сказала она. – Значит, при деньгах был. Ондатровую в наше время просто так не достанешь.

И пошла открывать.

Машинист

Иван Павлович вошёл в квартиру, снял ушанку и сказал с порога, не здороваясь:

– Галина Петровна. Я вам сразу скажу, чтобы потом не было недоразумений. Я сорок один год проработал машинистом электрички на Курском направлении. Москва – Серпухов. Я этот ваш Подольск проезжал по восемь раз в сутки. Сорок один год. Я каждую вашу ворону на платформе в лицо знаю.

Галина Петровна, стоявшая в прихожей в кримплене и с брошкой, посмотрела на него сверху вниз. Она была выше его сантиметров на пять.

– Иван Павлович, – сказала она. – А я тридцать два года на этой электричке на завод ездила. В семь сорок две. С третьей платформы.

Иван Павлович замер.

– В семь сорок две, – повторил он медленно. – Это ж мой был. Мой поезд. С восьмидесятого по девяносто первый год. Я его водил.

– Вы его водили?

– Я. Каждое утро. Семь сорок две, Подольск, третья платформа.

Они стояли в прихожей и смотрели друг на друга. Ирина, Соня и Виктор стояли у них за спиной и боялись пошевелиться.

– Вы зимой восемьдесят седьмого, – сказала Галина Петровна медленно, – встали между Щербинкой и Бутовым на сорок минут. Я на смену опоздала. Мне выговор влепили.

Иван Павлович побагровел.

– Это был не я! Это была контактная сеть! Обрыв! Я сорок минут стоял и по рации ругался!

– Мне выговор влепили, – повторила Галина Петровна. – Первый за пятнадцать лет.

– Это контактная сеть! Мне самому потом объяснительную писать пришлось! Я её до сих пор помню! «Тринадцатого января тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года в семь пятьдесят восемь на перегоне Щербинка – Бутово...»

– Четырнадцатого, – сказала Галина Петровна.

– Тринадцатого!

– Четырнадцатого. Я помню. Это был мой день рождения. Я ехала с тортом.

Иван Павлович открыл рот. Закрыл. Посмотрел на неё снизу вверх. Потом медленно, с достоинством, достал из кармана пальто носовой платок, развернул его, вытер лоб.

– С тортом, – сказал он. – Значит, это вы были. С тортом. В третьем вагоне. Женщина с тортом «Птичье молоко». Вы мне в окошко кабины кулаком стучали.

Галина Петровна побледнела.

– Это я не вам. Это я вообще.

– Мне, – сказал Иван Павлович. – Я тогда весь день думал: вот, женщина с тортом мне кулаком стучала. Наверное, день рождения у неё. А я ей испортил. Тридцать девять лет помню.

Пауза.

– Ну проходите уже, – сказала Галина Петровна. Голос у неё был странный. – Чего в прихожей стоять. Оливье киснет.

Оливье

Стол накрыли в большой комнате. Под ковром, бордовым, с узором. На столе было всё, что полагается: оливье, селёдка под шубой, холодец, мамины пирожки с капустой и с картошкой, солёные огурцы из трёхлитровой банки, мандарины абхазские, не марокканские. В центре стояла бутылка «Советского шампанского» и графинчик с чем-то тёмно-красным, который Иван Павлович привёз с собой.

– Наливка, – объяснил он. – Вишнёвая. Сам ставил. С дачи. Сорок градусов. Натуральная.

– Сорок много, – сказала Галина Петровна.

– Сорок в самый раз. У меня давление сто тридцать на восемьдесят. Мне можно.

– А у меня сто сорок. Мне нельзя.

– Сто сорок это рабочее, – сказал Иван Павлович. – Для женщины после семидесяти сто сорок – рабочее. Мне врач говорил.

– Вам врач про мужчин говорил.

– Мне врач про всех говорил.

Виктор сидел рядом с Ириной и смотрел на отца с выражением человека, который видит чудо и боится спугнуть.

– Он с мамой так же спорил, – шепнул он Ирине. – Пятьдесят лет. Я думал, больше никогда не услышу.

Ирина посмотрела на него. Виктор улыбался. Кривой своей улыбкой, одной стороной лица. Но в глазах у него было что-то мокрое.

Иван Павлович положил себе оливье. Попробовал. Пожевал. Нахмурился.

– Галина Петровна. А почему говядина?

– А что?

– В оливье должна быть колбаса. Докторская.

– В оливье должна быть говядина, – сказала Галина Петровна. – Отварная. Это классический рецепт.

– Классический рецепт – это рябчики, – сказал Иван Павлович. – Люсьен Оливье, ресторан «Эрмитаж», тысяча восемьсот шестидесятые. Рябчики и раковые шейки. А в советское время – колбаса докторская. Потому что рябчиков не было.

– И колбасы не было, – сказала Галина Петровна. – По талонам была. Я говядину брала. На рынке. У знакомой.

– По талонам была колбаса! Я лично получал! Два килограмма в месяц на семью!

– А я говядину брала!

– Говядину на рынке брали спекулянты!

– Я была не спекулянт! У меня знакомая была! Тётя Зина! Она на мясокомбинате работала!

– Вот! Тётя Зина! Мясокомбинат! Это и есть спекуляция!

Соня под столом пнула Ирину ногой. Ирина пнула в ответ. Они обе давились смехом.

Галина Петровна покраснела. Иван Павлович тоже. Они смотрели друг на друга через стол, через оливье, через селёдку под шубой.

– Тётя Зина, – сказала Галина Петровна ледяным голосом, – была честная женщина. У неё муж на фронте погиб.

Иван Павлович замолчал. Поставил вилку.

– На каком фронте?

– На Белорусском. В сорок четвёртом.

Иван Павлович помолчал.

– У меня отец на Белорусском, – сказал он тихо. – Тоже в сорок четвёртом. Под Бобруйском.

Галина Петровна посмотрела на него.

– И у неё под Бобруйском.

Тишина. Под ковром, за столом, в маленькой комнате на улице Кирова стало очень тихо. Ирина слышала, как тарахтит на кухне «Саратов».

Иван Павлович взял графинчик с наливкой. Налил себе рюмку. Налил Галине Петровне. Немножко, на доньшко.

– За тётю Зину, – сказал он. – И за её мужа. И за моего отца. Под Бобруйском.

Галина Петровна взяла рюмку. Посмотрела на неё. Сорок градусов.

– Мне нельзя, – сказала она.

– Можно, – сказал Иван Павлович. – Сегодня можно. Сегодня Новый год.

Они выпили. Не чокаясь.

Потом Иван Павлович снова взял вилку. Снова положил себе оливье. С говядиной. Съел. Пожевал.

– Хороший, – сказал он. – С говядиной тоже хороший. Даже лучше. Только вы никому не говорите, что я сказал.

– Не скажу, – сказала Галина Петровна. И впервые за вечер улыбнулась.

Внук на связи

В девять вечера Сонин телефон завибрировал. Соня посмотрела на экран, и лицо у неё изменилось. Стало такое, какое бывает у человека, которому пришло долгожданное сообщение, но вокруг слишком много людей.

– Кто? – спросила Галина Петровна, которая видела всё.

– Никто, бабуль. По работе.

– По работе в девять вечера тридцать первого декабря, – сказала Галина Петровна. – Сонечка, я семьдесят три года живу. По работе так не краснеют.

Соня покраснела ещё сильнее. Виктор деликатно отвернулся к окну. Иван Павлович посмотрел на Соню с интересом.

– Мальчик? – спросил он.

– Нет! То есть. Ну...

– Мальчик, – сказал Иван Павлович удовлетворённо. – Хорошо. А то Витька говорит, у вас там в Москве молодёжь вообще не женится. Сидит в телефонах. Я Витьке говорю: ты сам тридцать лет назад сидел в библиотеке, вместо того чтобы на танцы ходить. Если бы не картошка в девяностом, где бы ты Наташу встретил? В библиотеке? Там одни бабки.

– Папа.

– Что «папа»? Правду говорю.

Соня, пользуясь тем, что все смотрят на Виктора, тихонько показала Ирине экран.

Это было фото. Кухня. Небольшая, с высоким потолком, старая, московская. Ёлка на подоконнике, маленькая, живая, в горшке. Стол с белой скатертью. За столом сидел Сергей Иванович в бумажном колпаке. Колпак был красный, с блёстками, явно куплен в «Фикс Прайсе», и смотрелся на зрителе маяка с орденской планкой так нелепо и так трогательно, что Ирина чуть не засмеялась вслух.

А рядом с Сергеем Ивановичем, на табуретке у окна, сидел Глеб. Без колпака. В белой рубашке. Ирина ни разу не видела его в рубашке. Он смотрел не в камеру, а куда-то в сторону, вниз, на пол. На полу, у его ног, лежал Туз. На Тузе тоже был колпак. Зелёный. Туз смотрел в камеру с выражением вселенской скорби, как будто его заставили участвовать в чём-то унижительном.

На столе, между салатом и бутылкой, стоял подстаканник с маяком. И синяя кружка. Со сколом на ручке.

Ирина смотрела на эту кружку. Ту самую. С фотографии руки. «Обещал фото. Это пока самое честное, что у меня есть».

Под фотографией была подпись. От Артёма: «Дед требует, чтобы я сфоткал и отправил маме Сони. Говорит, это стратегически важно. Я не понимаю, что это значит, но выполняю. С наступающим вас обеих. А.»

– Мам, – шепнула Соня. – Глеб в рубашке.

– Вижу.

– Мам, он красивый в рубашке.

– Сонь.

– Я просто констатирую. Как финансовый директор.

Без пятнадцати двенадцать

В половине двенадцатого Галина Петровна включила телевизор. Там шли «Голубой огонёк» и бесконечные певцы, которые пели так, будто у них что-то болело. Иван Павлович смотрел на них и ругался. Не матом. Пункт четыре на его бумажке был подчёркнут два раза, и он держался. Ругался культурно.

– Вот этот, – говорил он, тыкая пальцем в экран, – вот этот поёт, а слова где? Слова где, я спрашиваю? Раньше Магомаев пел, так у него каждое слово было слышно. А этот мычит. Как корова у Дуськи в Климовске.

– У какой Дуськи? – спросила Галина Петровна.

– У соседки моей. Дуська. Корову держит. Корова мычит, когда доить пора. Вот и этот мычит. Видимо, тоже пора.

Галина Петровна засмеялась. Так же, как тогда, при Петре Ильиче. Запрокинув голову, держась за край стола.

Иван Павлович посмотрел на неё. Ирина видела, как он смотрит. Как смотрел, наверное, сорок один год назад с кабины электрички на платформу, где стояла женщина с тортом.

В без двадцати двенадцать Ирина встала.

– Я на балкон. Подышать.

– Оденься, – сказала мама. – Минус пятнадцать.

Ирина надела пальто. То самое, с внутренним карманом на пуговице. Вышла на балкон. Мамин балкон был маленький, застеклённый наполовину, с бельевыми верёвками, на которых висели прищепки, и с банками с соленьями на полу. Пахло морозом и укропом.

Внизу был двор. Пятиэтажки, детская площадка, заснеженные машины. Кто-то уже пускал петарды. В окнах напротив мигали гирлянды.

Она расстегнула пуговицу на кармане. Достала конверт. «Открыть в полночь. Не раньше».

Было без восемнадцати. Она держала конверт в руках. Пальцы мёрзли.

За стеклом балконной двери, в комнате, мама и Иван Павлович спорили о чём-то, размахивая руками. Виктор смеялся. Соня снимала их на телефон. По телевизору президент начал говорить.

Без пятнадцати. Без десяти. Без пяти.

Куранты.

Ирина надорвала конверт на первом ударе.

Письмо

Внутри был лист и фотография.

Фотография была старая, чёрно-белая, маленькая, с белыми фигурными краями, какие делали в семидесятых. На ней был маяк. Святоносский. Белая башня с полосой, на скале, под снегом. У подножия маяка стояли три фигуры. Высокий мужчина в тулупе. Женщина в платке. И между ними маленький мальчик лет трёх, в шапке с помпоном, закутанный так, что видно было только глаза.

На обороте карандашом, выцветшим, чужим, женским почерком: «Святой Нос. 31.12.1978. Серёжа, я и Глебушка. Первый Новый год на маяке».

Ирина смотрела на эту фотографию. На мальчика, у которого видно было только глаза. Куранты били. Третий. Четвёртый.

Она развернула лист.

«Ирина Андреевна.

С Новым годом.

Это фотография из маминого альбома. Мне три года. Это наш первый Новый год на маяке. Я его не помню. Помню только, что было очень холодно и что отец в полночь поднялся на маяк, на самый верх, к фонарю, и мать держала меня на руках у окна, и мы смотрели, как свет маяка ходит по снегу. Отец говорит, что я не помню, а это мне потом рассказали. Но я помню. Я помню свет.

Мать говорила, что маяк в Новый год светит не для кораблей. Кораблей в декабре там нет, Баренцево море во льду. Маяк светит для тех, кто на нём живёт. Чтобы они знали, что они не одни. Что их видно.

Я тридцать лет встречал Новый год в разных местах. В палатке на Эльбрусе. В разрушенном доме в Турции. В вертолёте над Байкалом. Дома с Аллой, в последний раз, восемь лет назад. И ни разу не было так, чтобы было видно.

В этом году я встречаю с отцом и с Тузом. Отец в колпаке, его Артём заставил. Я без колпака. Туз в колпаке, его заставил отец.

И я хочу вам сказать одну вещь. Одну. Потом можете не отвечать.

Я хочу встретить следующий Новый год с вами.

Не знаю где. Не знаю как. Может, на лоджии, через перегородку. Может, в Подольске, если ваша мама разрешит. Может, вообще не встретить, если вы скажете нет.

Если скажете нет, скажите сразу. Ниже мой номер. Кнопочный. Он принимает смс. Слово „нет“ в смс выглядит проще, чем в письме под дверь. Я проверял.

Г. В.

Р. S. Отец просит передать, что вы ему очень понравились. И что ваша Лариса Викторовна тоже. И что подстаканник у неё, по его мнению, тоже кольчугинский, раз она так сразу узнала. Он хочет знать, с ракетой или со спутником.

Р. Р. S. С Новым годом, Ирина. Без отчества. Один раз можно? В Новый год».

Двенадцать

Куранты отбили двенадцать. Двор взорвался. Петарды, фейерверки, крики «ура» из окон. В комнате за стеклом мама и Иван Павлович чокались шампанским. Виктор обнимал Соню. Соня снимала всё на телефон.

Ирина стояла на балконе в пальто, с письмом в одной руке и фотографией в другой, и плакала.

Она не помнила, когда плакала в последний раз на Новый год. Может, в восемнадцать, когда Вова Самохин не пришёл на вечеринку. Может, в двадцать три, когда Олег подарил ей уют. Может, никогда.

Сейчас плакала. Тихо, без всхлипов. Слёзы замерзали на щеках. Минус пятнадцать.

Мальчик в шапке с помпоном смотрел на неё с фотографии. Видно было только глаза.

Она достала телефон. Руки дрожали. От мороза, наверное. Номер был написан внизу листа, крупно, каждая цифра отдельно, как в протоколе. Она набрала его цифру за цифрой. Проверила. Ещё раз проверила.

Открыла сообщения.

Написала: «С Новым годом».

Стёрла.

Написала: «Спасибо за фотографию».

Стёрла.

Написала: «Нет».

Посмотрела на это слово. Три буквы. Он прав, в смс оно выглядит проще. Короткое, чёрное, на белом экране.

Стёрла.

Внизу, во дворе, мальчишки запускали ракету. Ракета с шипением ушла в небо, взорвалась зелёными звёздами. Звёзды повисели и погасли.

Ирина подняла голову. Над крышей пятиэтажки напротив, между антенной и трубой, было небо. Чёрное, морозное, ясное. Без облаков. И в нём, сквозь дым от петард, сквозь подольские фонари, она увидела. Пять звёздочек. Тусклых. Зигзагом.

W.

Кассиопея. Её всегда видно. Даже в Подольске. Даже в Новый год. Как знакомое лицо на вокзале.

Ирина написала:

«С Новым годом, Глеб. Без отчества. В Новый год можно.

Передайте Тузику, что колпак ему идёт. Передайте Сергею Ивановичу, что подстаканник у Ларисы Викторовны с ракетой. И что она ему тоже передаёт привет, хотя я её не спрашивала. Но она бы передала.

Я сейчас стою на мамином балконе в Подольске и вижу Кассиопею. Между антенной и трубой. Как тогда.

Это не „нет“».

Перечитала. Палец завис над кнопкой.

Потом нажала.

Сообщение ушло. Одна серая галочка. Кнопочный телефон не показывает, прочитано или нет. Это она знала. Ирина стояла и смотрела на экран. Галочка не менялась.

За стеклом мама махала ей рукой: иди сюда, иди, шампанское! Ирина помахала в ответ. Не пошла.

Телефон завибрировал. Через две минуты. Номер с листка.

«Это не „нет“. Я прочитал четыре раза. Отец прочитал два. Туз снял колпак. Сам. Мы считаем, что это хороший знак.

С Новым годом, Ирина.

Я вижу её тоже. Из окна отца. Над крышей дома напротив. Она одна на всю Москву. И на весь Подольск. Значит, мы на неё сейчас смотрим вдвоём.

Это первый раз за тридцать лет, когда видно».

Ирина прочитала. Посмотрела на небо. Кассиопея висела над антенной. Тусклая, далёкая, очень старая.

Где-то в Москве, на Покровке, в квартире с высоким потолком, у окна, человек в белой рубашке смотрел на неё же.

Свет, который она видела сейчас, вышел оттуда, когда их обоих ещё не было на свете. И вот дошёл. Одновременно. До Подольска и до Покровки.

Утро

Ирина вернулась в комнату в половине первого. С красными глазами, с замёрзшими щеками. Мама посмотрела на неё внимательно. Ничего не сказала. Налила ей шампанского.

Иван Павлович рассказывал Соне, как в семьдесят девятом году у него в электричке рожала женщина и он принимал роды по инструкции, которую ему по рации читал диспетчер с Курского вокзала. Соня слушала с открытым ртом. Виктор слушал, видимо, в сотый раз и всё равно улыбался.

В час ночи позвонила Лариса Викторовна.

– Ира. С Новым годом.

– С Новым годом, Лариса Викторовна.

– Ира. Он позвонил.

– Кто?

– Фёдор. Из Твери. В двенадцать ноль одну. Получил мою открытку. Сказал, что приедет. Пятого января. Сказал, что проверит полку. Ира, ему шестьдесят три года. Он приедет проверять полку.

– Лариса Викторовна, это же...

– Я знаю, что это, – сказала Лариса Викторовна. – Я шестьдесят лет живу, я знаю. Я ему сказала: «Полка висит, Фёдор, проверять нечего». А он говорит: «Тогда я приеду пельмени лепить». И положил трубку. Ира. У меня нет муки.

– Купите, Лариса Викторовна. Пятого магазины работают.

– Ира. – Голос Ларисы Викторовны дрогнул. Впервые за пять лет. – Ира, я боюсь.

– Я тоже, – сказала Ирина. – Лариса Викторовна. Я тоже боюсь.

– Ты-то чего?

Ирина посмотрела на телефон. На сообщение с номера, который она так и не сохранила в контакты. Потому что не знала, как подписать. «Глеб»? «Сосед»? «Маяк»?

– Мне тоже позвонили, – сказала она. – То есть написали. В полночь.

Лариса Викторовна помолчала.

– Ну, – сказала она наконец. – Значит, будем бояться вместе. С Новым годом, Ира.

В два часа ночи Иван Павлович уснул в кресле, под ковром, с рюмкой наливки в руке. Виктор аккуратно вынул рюмку и укрыл отца пледом. Тем самым, бабушкиным, который мама вязала Ирине в институт.

Галина Петровна стояла в дверях комнаты и смотрела, как Иван Павлович спит.

– Храпит, – сказала она.

– Храпит, – согласилась Ирина.

– Твой отец тоже храпел, – сказала мама. – Сорок лет. Я восемь лет без храпа спала.

Тишина такая, что в ушах звенит.

Она постояла ещё.

– Пусть храпит, – сказала мама. – Не буди.

И пошла мыть посуду. Ирина пошла за ней. Они мыли посуду вдвоём, на маленькой кухне, где тархтел «Саратов», и молчали. Правильно молчали. Так, что всё было понятно.

Под утро Ирина достала телефон. Открыла контакты. Нашла номер. Нажала «Сохранить».

В поле «Имя» напечатала: «Глеб».

Стёрла.

Напечатала: «Маяк».

Стёрла.

Подумала. Подумала про Маркиза, который остался в Москве один, с полной миской и с Зинаидой Фёдоровной, которой Ирина оставила ключ.

Напечатала: «цццццжжж».

И сохранила.

Глава 7. Клуб обманутых вкладчиц



Одиннадцатого января, в первый рабочий день после праздников, Ирине в восемь утра позвонила Светлана.

Ирина не сразу узнала голос. Последний раз она слышала Светлану в шаурмичной у Павелецкого, когда та, сняв шубу, клялась больше никогда не надевать люрекс. Сейчас Светлана говорила быстро, задыхаясь, как будто бежала.

– Ирина! Вы видели? Вы новости видели?

– Нет. Какие?

– Эдуарда Борисовича взяли! В Шереметьеве! Вчера вечером! Он в Дубай летел! С двумя чемоданами! Его прямо у стойки регистрации, Ирина! В наручниках! Это в телеграме, там видео! Мне Оксана скинула!

Ирина сидела на кухне с кофе. Маркиз сидел напротив. Зинаида Фёдоровна, которой Ирина на праздники оставила ключ, кормила его варёной курицей, и теперь на обычный корм он смотрел с презрением.

– Светлана, подождите. Кого взяли?

– Эдуарда! Синицына! А Елена Викторовна в Дубае уже! Она в декабре улетела! Ирина, там всё рухнуло! Офис закрыт, телефоны не отвечают, сайт не работает! Ирина, там люди миллионы вложили! У меня соседка по даче два миллиона! Она квартиру продала! Ирина, что делать?!

Ирина поставила чашку.

– Светлана. Дышите. Вы свои деньги вернули. И мама ваша вернула. Вам ничего не грозит.

– Я знаю! Я не про себя! Я про них! Про остальных! Ирина, они звонят мне! Все звонят! Потому что я им рассказывала, что вы мне помогли! Что вы деньги выбили! Ирина, у вас мой телефон разрывается, у меня тридцать пропущенных! Они все хотят к вам!

– Ко мне?

– К вам! Вы же визитки раздавали! Тогда, у лифта! Девять штук! Они их друг другу переснимали! Ирина, ваша визитка теперь по всем чатам ходит! «Женщина, которая выбила деньги из Квантума»!

Ирина посмотрела на телефон. На экране висело сорок семь новых сообщений в ватсапе. С незнакомых номеров. Она не открывала их с утра, думала, это поздравления, запоздалые, рождественские.

Она открыла первое.

«Ирина Андреевна, здравствуйте! Меня зовут Людмила Семёновна, мне ваш телефон дала Галя из Медведкова. Я вложила в „Квантум-Капитал“ восемьсот тысяч. Это все мои сбережения. Помогите, пожалуйста, хоть советом».

Второе.

«Здравствуйте. Я Олег Петрович, мне 71 год. Вложил 300 тыс. Жена не знает. Что делать?»

Третье. Четвёртое. Пятое.

Ирина листала. Сорок семь сообщений. Сорок семь человек. Сорок семь вёдер моршки, рассыпанных по камням.

Маркиз смотрел на неё через стол.

– Не смотри так, – сказала ему Ирина. – Я знаю.

Жанна Аркадьевна

В редакции Ирина сразу пошла к Жанне Аркадьевне. Постучала. Вошла, не дожидаясь ответа.

– Жанна Аркадьевна. Мне нужна переговорная. Большая. На вечер. На всю неделю.

Жанна Аркадьевна подняла глаза от вёрстки. Она была в чёрном, как всегда, но под глазами у неё лежали тени, которых не было до праздников. Ирина знала почему. «Глянец-Медиа» назначили дату проверки. Двадцать шестое января.

– Зачем?

Ирина объяснила. Про Эдуарда в наручниках. Про сорок семь сообщений. Теперь уже шестьдесят три, пока она ехала в машине. Про людей, которые вложили последнее и не знают, что делать.

Жанна Аркадьевна слушала. Потом сняла очки для чтения, которые носила, только когда никто не видел.

– Ирина. Вы понимаете, что нас продают через три недели? Что «Глянец-Медиа» придут проверять каждую копейку? А вы хотите превратить нашу переговорную в, во что? В приёмную для обманутых вкладчиков?

– Да, – сказала Ирина.

Жанна Аркадьевна смотрела на неё долго.

– Это не наш профиль, – сказала она. – Мы журнал о моде.

– Жанна Аркадьевна. Сколько наших читательниц вложили в «Квантум»?

Жанна Аркадьевна молчала.

– Я посчитала, – сказала Ирина. – Пока ехала. Из шестидесяти трёх человек, которые мне написали, сорок один – женщины за сорок пять. Это наша аудитория. Наш читатель. Наш читатель держит лебедя каждый день, Жанна Аркадьевна. Вы сами так сказали. А теперь у нашего читателя лебедя отобрали. Вместе с квартирой.

Жанна Аркадьевна встала. Подошла к окну. Посмотрела на Москву-реку, серую, январскую, с кусками льда.

– Хорошо, – сказала она, не оборачиваясь. – Берите переговорную. Но с одним условием.

– Каким?

– Я хочу материал. В февральский номер. Не про вас. Про них. Про то, как это работает. Как пирамиды находят женщин. Через что. Через рестораны на Патриарших, через «вы такая умная», через Амальфитанское побережье. – Она обернулась. – Ирина, вы же это всё видели изнутри. Вы были на свидании с пирамидой. Напишите. Анонимно. Я никому не скажу, что это вы.

– Жанна Аркадьевна, я финансовый директор. Я не пишу.

– Вы пишете, – сказала Жанна Аркадьевна. – Я видела вашу служебную записку про лебедей. Ирина, это была лучшая колонка за год. Её Пётр Семёнович читал вслух на планёрке у коммерсантов. Они плакали.

Переговорная

Первая встреча была в среду, в семь вечера.

Ирина рассчитывала человек на двадцать. Пришло пятьдесят восемь. Переговорная была на двадцать четыре места. Стажёр Дима таскал стулья из всех кабинетов, включая кабинет Жанны Аркадьевны. Жанна Аркадьевна стояла в дверях и смотрела, как Дима уносит её эргономичное кресло за восемьдесят тысяч, и ничего не говорила. Только губы поджала.

Люди сидели на стульях, на подоконниках, стояли у стен. Женщины в основном. Пожилые, средних лет, нарядные и не очень. Несколько мужчин. Один в военной форме, полковник в отставке, с орденой планкой. Одна совсем молодая девушка, лет двадцати пяти, с ребёнком на руках.

Ирина стояла у экрана. Тот самый, на котором Кира обычно показывала концепции. Сейчас на нём была таблица. Простая, в Экселе. «Что делать: план из пяти шагов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.